

ЗОВ ПАВШЕГО НЕБОЖИТЕЛЯ

В ТЕНИ ЗВЕРЯ

Миливойе Вукович

**Зов павшего небожителя.
В тени зверя**

«Издательство «Перо»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вукович М. Р.

Зов павшего небожителя. В тени зверя / М. Р. Вукович —
«Издательство «Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-544-7

Уважаемый читатель, в свои руки ты только что взял книгу, которая содержит в себе отнюдь не знание, но довольно мрачную историю о том, как человеку приходится изо дня в день, из года в год, на протяжении многих столетий – бороться со своим извечным врагом, известным как страх. Ныне любое наше действие осуществляется по одной из двух следующих причин: либо это желание человека что-то получить, освоить или создать в жизни, либо это стремление чего-то избежать, или не допустить. Во втором случае – нами руководит страх, пусть и едва ощутимый, но именно с ним мы боремся каждый раз, когда решаем важные проблемы, прибегая к великой силе нашей воли. Однако в этом произведении страх имеет форму: главный злодей является чистейшим воплощением мрака и ужаса, а противостоящим ему мы, простые люди, ведомые стремлением не просто выжить, но и спасти при этом остальных. Вас ждут мистические загадки, непредсказуемый сюжет и великие сражения на территории Древней Руси, незадолго до события, с которым следует связывать начало русской истории. Советую вам, уважаемый читатель, не проводить серьёзные параллели с тем, что изложено в исторических учебниках, и с тем, что доведётся встретить здесь, ведь данное произведение всё же – художественная литература. А так же прошу быть настороже, ведь основная задача книги не заразить вас страхом, но показать, как его следует побеждать.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-544-7

© Вукович М. Р., 2018

© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	33
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Миливойе Радойицевич Вукович
Зов павшего небожителя. В тени зверя

© Вукович М. Р., 2018

* * *

Предисловие

Внутри каждого из нас изначально таится искра света, добродетели, милосердия, чести и благодеяния, эти качества томятся внутри человека с момента рождения, начинают себя проявлять с того дня, когда мы впервые становимся на ноги и идём навстречу окружающему нас миру, нашей судьбе. Наши поступки не только определяют будущее, но и наглядно показывают, кто мы есть на самом деле, к чему стремимся, чего желаем и как мы относимся к миру и к людям, среди которых пролегает наш жизненный путь. Если стезя добродетели становится путеводной звездой души, то свет внутри начинает гореть всё сильнее и сильнее с каждым днём, наделяя нашу жизнь праведным смыслом и непреодолимым могуществом – нашу волю, не ведающую поражения в борьбе со стоящими перед нами преградами.

Человечество – великое порождение того светлого начала, что некогда, давным-давно, создало и распространило саму жизнь в изначально тёмной, холодной и бесплотной Вселенной. Мы явились в мир с целью созидать, благоустроить и совершенствовать его в своём понимании: человек жаждал создать цивилизацию, не уступающую в своём подобии той силе, которая когда-то и пробудила в нём жизнь. Наши стремления были благородны, а помыслы чисты, но когда на своём пути мы встречали трудности, которые честным образом не решались без непосильного труда и страданий, нам нередко приходилось становиться на новую дорожку, переполненную бесчестием, скверной и жестокостью – теми пороками и тем злом, что начало своё брали из Тьмы.

Наш род впитал в себя темноту, со временем затмившую ту искорку света, что была в нас изначально. Деяния человека, загубившего в себе идеалы чести, благородства и милосердия, не описать иными словами, кроме как тщеславие, безразличие и ужас. Чтобы разграничить влияние Света и Тьмы внутри нашего общества, человек создал закон, суровый и одновременно справедливый – благодаря этому был достигнут баланс сил, гармония, которую и следует считать величайшим достоянием этого мира и важнейшей его ценностью. Следование закону позволяло людям строить великие и могущественные царства и империи, в совершенстве своём преобразующиеся в республики – в страны, которые в свою основу ставят свободу и права каждого человека, ребёнка, старика и даже животного – всего общества в целом! Такие цивилизации дают нам условия для спокойной и размеренной жизни, полной созидания, гармонии, любви, сострадания и понимания. Но, к сожалению, наш горький опыт повествует и о другом пути: когда человек начал пренебрегать законом и даже искажать его, использовать в собственных корыстных целях. Этот тёмный путь приводит к зарождению тирании, рабства и деспотии. Построенные на этой дороге цивилизации переполняют боль, жестокость и страх, которые становятся столь же естественными вещами, как воздух, земля и вода вокруг нас. Всё это приводит наш мир к упадку и, в конце концов, к гибели.

И всё было бы ясно и просто во Вселенной, если бы борьба двух фундаментальных начал не приводила к появлению новых сил, непредсказуемых, могущественных и, что важнее всего, разумных, как и мы, люди. Эти древние существа совместили в себе целебный яркий свет жизни и губительную безжалостную тьму смерти и в итоге достигли бессмертия своих создателей. Их лик величественен и в то же время внушает ужасающий трепет: внешне они больше походят на животных, чем на человека, но в деяниях своих они таят куда больше мудрости и изящности, чем мы. Эти Первозданные звери преследуют разные цели, каждым из них движут собственные желания и стремления, берущие начало из великого множества событий, через которые каждый из них прошёл и оставил позади, в истории. Свой путь они порой прокладывают через наш мир, их влияние на нас может быть благотворным, а может быть и разрушительным – всё это будет зависеть от того, кто именно из Первозданных зверей стоит перед нами. За всю многовековую историю состоялось немало встреч человека с этими

сверхъестественными созданиями, им даже удалось найти отражение своего бытия в культуре и мифах некоторых из народов людских. Первозданным зверям присуждались такие имена, как Ра, Анубис и Бастет в Древнем Египте; Арахна, Сцилла и Ганеша в Древней Греции и Индии; а так же Фенрир, Имир и Ёрмунганд в веровании скандинавов – они появлялись и исчезали внезапно, а их настоящие имена оставались за завесой тайны, а перед человечеством по-прежнему стоит вопрос, друзья они нам или враги. Чуть больше тысячи лет назад Первозданные звери объявились и на территории зарождающегося древнерусского государства.

Пролог

В начале девятого века нашей эры в десятке вёрст к северу от города Киева стояла деревня Волох, которая принадлежала древлянскому народу. И правил этим селением мудрый и справедливый вождь Дархан, в прошлом – прославленный воин и ярый боец, а ныне миролюбивый и отзывчивый властитель. Народ жил при нём в достатке, без небольших «войн», конечно же, не обходилось, но вождю всегда удавалось быстро довести дело до мирного соглашения между враждующими племенами. Деревня Волох со временем становилась своеобразной столицей для всех древлянских земель: жителей в селении становилось всё больше с каждым годом, стремительно развивалась торговля и, на удивление, урожай выходил довольно богатым. Суть в том, что земледельческий труд у древлянского народа не пользовался особым почётом: Дархан проявлял куда больший интерес к военному делу и всегда говорил, что его племя прежде всего кормит меч, а не земля. Вождь не скрывал своей симпатии к одним из самых выдающихся воинов того времени, викингам, и даже воспитывал своего сына, Зидхана, по манерам жестокого северного народа. На этом его подражание варягам не закончилось: Дархан велел своим строителям возвести в центре деревни огромную твердыню, деревянную крепость, своими внешними чертами напоминающую именно варяжскую постройку. Что касается Зидхана, сына вождя, то он сам по себе всегда был замкнутым, необщительным и весьма «холодным» ребёнком, а норманнское воспитание и дисциплина пробудили в нём такие качества, как жестокость и тщеславие, им владела неутолимая жажда воинской славы. Древлянский народ зря не стал придавать варяжским интересам Дархана серьёзного значения, ведь в недалёком будущем этому было суждено аукнуться страданиями простых людей, когда дитя норманнской культуры придёт к власти.

Однако эпоха мира и спокойствия не могла длиться вечно, и в один ненастный зимний день восьмьсот пятидесятого года в древлянские земли пришла беда – беспощадная стихия холода и льда. Неестественные смертоносные заморозки прошли по владениям Дархана: окрестные реки и пруды покрылись нерушимым льдом; плодородная почва вокруг Волоха промёрзла насквозь и более не могла кормить древлянский народ своими плодами; начали погибать люди из-за чудовищного холода, что неожиданно возникал в самое разное время дня. Поначалу вождь считал, что всё происходящее – всего лишь тяжёлый жизненный период в истории Волоха, который следует выдержать, проявив невообразимую силу воли и духа, и оставить всё недоброе позади. Дархан собрал всё население деревни на главной площади, перед деревянной твердыней, чтобы речью вселить в древлян надежду и уверенность в своём будущем, но стоило ему закончить говорить, как вдруг произошло кое-что ужасное. Небо неожиданно померкло, переполнилось тёмными красками, и на землю вихрем обрушились морозные потоки ветра и снега, на площади воцарилась паника, и люди поспешили как можно скорее укрыться в своих домах. Вождь вскоре понял, что в Волохе прежде всего буйствует не стихия, а само зло в морозном облике, ибо оно плетью охватывало горло многих жителей и в прямом смысле душило их, не позволяя сделать ни единого глотка свежего воздуха, вселяло безумный страх, моментально обращая самых сильных из людей в лёд. Дархана поразило отчаяние, он не знал, что ему делать в такой ситуации, а от свирепой стихии вождь отделался лишь тем, что внезапно налетевший ветер сбил его с ног и отбросил на несколько шагов назад, к воротам собственного замка. Через минуту всё прекратилось и настало затишье, древляне вернулись на улицы, чтобы узреть последствия сверхъестественной атаки, медленно начали вновь собираться вокруг Дархана, ожидая услышать его мнение обо всём, что случилось. Вождь, упав на землю, невольно обратил свой взгляд к небесам, и увиденное поразило его разум – над деревней Волох возвышался кровавый полумесяц, который окончательно убедил Дархана в мысли о том, что кто-то проклял его народ.

Зимние оковы не спадали с древлянской земли круглый год, и уже в первые месяцы после случившегося властитель народа, проигнорировав предостережения своих жрецов, волхвов, объявил войну соседнему племени – северянам, чтобы прокормить своих людей через разорение чужих владений. В Волохе была созвана огромная армия со всех древлянских земель, в ней насчитывались целые сотни, а то и тысячи безжалостных воинов. Оставив деревню под властью своего сына Зидхана, вождь двинулся с воинством на восток. Перед тем, как переправиться через реку Днепр, во владения северян, Дархан сперва вырезал всех представителей вражеского племени на своей земле, разорил и уничтожил все их селения и постройки, воздвигнутые в мирное время, пленных древляне старались не брать – кормить их было нечем. Однако само движение армии вождя на восток было непростым и, в некотором смысле, даже болезненным, ибо морозное проклятие не осталось в пределах Волоха, оно словно преследовало Дархана в его военной кампании, и чем дальше уходил он от дома, тем больше погибало людей в открытом поле. Это сыграло решающее значение в битве двух племён у реки Днепр, при пересечении которой древляне подтвердили начало настоящей войны вторжением и тем самым утратили возможность решить всё миром – северяне возненавидели за это захватчиков на многие годы вперёд. В итоге армия древлян была разбита, Дархан погиб во время сражения у реки, и его поражение прежде всего объяснялось внезапным вмешательством смертоносной ледяной стихии, а не силой северянского оружия, чей народ, как ни странно, не попал под удар разбушевавшейся природы.

После того, что произошло с Дарханом и его армией, восточное племя не стало преследовать остатки древлянских сил, бежавших назад в свои селения, северяне посчитали, что их врагов уже успели покарать сами боги за вероломное предательство и неоправданную жестокость. Война продолжилась, но из-за влияния холодов, ставшего в разы сильнее после смерти вождя, никакие военные столкновения физически не могли происходить, а беды древлян отнюдь не ограничились жуткими морозами. Деревня Волох сама по себе находилась посреди густорастущего леса, однако вскоре после объявления Дарханом войны дорога к селению стала не безопасна, и причиной тому были не разбойники и не северянские воины, а сам лес, вскоре получивший прозвище «Мрачный». Резко возросло количество нападений на путников со стороны хищников, а именно – волков. Зидхан не спешил решить эту, как ему поначалу казалось, не столь важную проблему, а когда новый вождь образумился, было уже поздно. Единственный путь из Волоха на юг, в сторону Киева, был отрезан целыми ордами кровожадных зверей, своим числом в разы превосходившие силы древлян в деревне. С этих пор дорога начала носить название Волчий клык, ибо в понимании жителей Волоха всякий, кто ступит на неё, рано или поздно найдёт свою смерть в волчьих зубах и когтях. Иные пути из деревни, такие как тропы, были напрочь засыпаны снегом – по ним человек не сможет выбраться из Мрачного леса, заплутает и, вне всякого сомнения, погибнет.

Раньше это природное владение славилось необычайной красотой и величием, ведь оно служило источником пищи и обогрева для людского поселения. Но теперь деревья почернели, пространство между ними заполнил неестественный ночной сумрак, и стараниями волков древлянские охотники всё реже и реже встречали какую-либо дичь в лесу, а уж охота на самих хищников считалась гиблым делом. Народ Зидхана оказался в ловушке, и если не случится чудо – деревня Волох в скором времени исчезнет с лица Земли.

Однажды из Волоха вышла группа охотников, среди них был и Зидхан. Несмотря на волчью угрозу, древлянам необходимо было выживать: ходить в лес охотиться на различную дичь для пропитания и добывать дрова для обогрева жилища. Ежедневно из деревни выходили по три или четыре подобные группы, однако возвращались они всегда с очень малым уловом и объясняли всё тем, что из-за клыкастых обитателей в пределах лесного владения не безопасно находиться более часа. Зидхан решил изменить положение своего народа. Поэтому вождь решил на своём примере показать людям, что страх не имеет власти над истинными

сынами древлянской земли, что волки – просто животные, которых не составит труда разогнать. В Волохе тогда ещё не знали, что прямо за воротами деревни творилось нечто куда более зловещее и ужасное, чем можно было представить: разъярённые волки и беспощадный холод не были самой большой угрозой этой земли.

У опушки Мрачного леса охотники сразу заметили, как пространство вокруг них стремительно заполонила тьма, которую не могли развеять даже прямые лучи солнца. Это смутило Зидхана, но не пошатнуло его решимость, по настоянию вождя древляне продолжили уходить вглубь лесной чащи. Стояла зловещая тишина, птицы не пели, ветер не тревожил ветви почерневших деревьев, был слышен лишь сильный скрип снега у людей под ногами. Древляне несколько часов плутали по Мрачному лесу, сохраняя осторожность, и при этом старались найти хоть какое-нибудь животное, на которое можно было бы поохотиться, но тщетно. Однако они не стали даже предполагать, что в лесу не осталось подходящей дичи, так как свежие следы на снегу как раз свидетельствовали о её присутствии. Древляне больше не могли себе позволить безрезультатно бродить по просторам Мрачного леса, поэтому группа охотников разделилась на две равные части: вождь с двумя соплеменниками отправился прочёсывать северные наделы лесного владения, остальные – южные. Они уговорились встретиться в том же месте, где и разошлись, через пару часов.

Проходит время, и Зидхан со своими людьми возвращается из лесных земель к северу от Волоха. За прошедшие два часа им удалось выловить из замёрзшего ручья тройку окуней и щуку, подстрелить двух белок, горностаю, а так же им довелось совместными усилиями завалить дикого кабана, который незадолго до встречи с охотниками уже успел угодить в самодельный капкан преследователей. Для кого-то такой улов можно считать весьма не дурным, да вот только не в том случае, когда его предстоит ещё разделить с остальными жителями деревни. Вождь возлагал большие надежды на то, что другая группа охотников сможет достигнуть гораздо большего успеха, чем они. Мрачный лес днём был местом, куда едва проникали лучи солнца, а теперь, когда сгущались сумерки, темнота в его пределах становилась всё плотнее и плотнее. Животные в таких условиях имели куда больше шансов на выживание благодаря своим природным инстинктам и более заострённым органам чувств, а вот человек здесь постепенно становился слепым котёнком, не видящим ничего дальше собственного носа. На обратном пути Зидхана и его соплеменников ждал зловещий сюрприз, который вождю было суждено забыть совсем не скоро.

Трое древлян шли по извилистой тропе, которая пусть и была засыпана снегом, но большинство жителей Волоха, включая охотников, при этом отлично знали её по памяти. И вдруг им на пути повстречалась огромная четвероногая фигура, гордо стоящая посреди дороги и внимательно глядевшая на людей. В условиях сгущающейся темноты охотники не могли хорошо разглядеть зверя, не могли понять, кто стоит перед ними, а внезапно налетевшая вьюга не позволила им сделать какие-либо выводы по издаваемым животным звукам.

– Да это же олень благородной породы! – вскрикнул охотник Кимор.

Положившись на его слова, Зидхан и ещё один его соплеменник спешно ухватились за луки со стрелами, готовясь без промедления выстрелить в сторону зверя, пока тот стоял на видном месте. «Олень» был взбудоражен криком Кимора, насторожился и резко убежал вперёд, когда вождь выстрелил мимо него, выпустив стрелу едва ли не вслепую.

– Проклятье! – прошипел третий охотник.

– За ним! – скомандовал Зидхан, понимая, что лучшей дичи им сегодня уже не найти.

Началась погоня, люди при этом в условиях сумрака и вьюги чудом не теряли связи друг с другом, тяжелее всего приходилось бежать Кимору, неся на спине большую тушу дикого кабана. Их жертва не успела скрыться из виду, как внезапно вождь выпустил вдогонку вторую стрелу, в этот раз достигшую своей цели. Животное с сильным грохотом рухнуло в обширном заснеженном месте между деревьями, охотники вскоре нагнали подстреленную добычу. Время

уже постепенно близилось к вечеру, за пределами Мрачного леса по-прежнему светило солнце, однако внутри природного владения создавалась видимость поздней ночи, поэтому группа Зидхана, подбираясь к туше благородного зверя, поспешила развести огонь – зажечь имеющиеся заготовки для факелов. Пламя смогло развеять мрак вокруг охотников на несколько шагов, но то, что оно выявило из-под тёмной завесы, тотчас вызвало жуткую дрожь у людей по всему телу, испуг. Ибо рядом с телом животного, угодившего при падении под глубокий слой снега, они увидели своих товарищей из группы, отправившейся на юг. Их разодранные тела лежали в трёх разных местах, везде были лужи крови и следы лунных хищников – волков, в этом месте шла ожесточённая схватка: в руках у мертвецов можно было увидеть окровавленные ножи, кинжалы и топоры, а вокруг было разбросано множество стрел. Выжившие с недоумением поглядывали на умерших, желая понять, что именно здесь произошло, дело осложнялось тем, что на телах убитых древлян были заметны раны, нанесённые кем-то покрупнее волков, возможно, медведем. Один из охотников с виду был разорван чуть ли ни пополам – явно работа огромного и весьма свирепого зверя.

Зидхан не был опечален, а скорее взволнован и слегка испуган, так как по виду свежих трупов понимал одну, крайне важную на тот момент истину – его соплеменники были убиты совсем недавно, с момента их смерти прошло не более пятнадцати минут, а значит, и хищники ещё не успели далеко уйти от этого места. Вождь чувствовал присутствие вполне реальной для себя угрозы: волки уже небось идут по его следу, поэтому Зидхан велел быстро хватать добычу и готовиться бежать за ним со всех ног. Кимор уже был серьёзно загружен, так что за поверженного зверя принялся вождь сам лично, третий охотник до сих пор ещё не смог прийти в себя от увиденного.

Властитель Волоха подошёл к громадному сугробу, в который рухнула подстреленная добыча, из снега выглядывала стрела, повергшая животное. Зидхан считал, что дичь уже мертва и сопротивления более не окажет – как же сильно он ошибался.

Человек выдернул стрелу из тела добычи и в следующее мгновение ощутил на себе ярость существа, встретиться сейчас с которым он боялся больше всего. «Олень» оказался крупным серым волком, серьёзно рассвирепевшим от причинённой боли: он вцепился острыми клыками в предплечье вождя, совершив сильный рывок вперёд, волк выпрыгнул из снега и, набросившись на человека, без особых усилий повалил его наземь. Зидхану вскоре удалось отбиться от обезумевшего хищника, отбросив того ударом обеих ног на расстояние нескольких шагов от себя, вождь испуганно заёрзал, лёжа на земле, когда увидел, что волк собирается вновь атаковать. На его счастье, хищника на бегу подстрелил охотник, долгое время находившийся в ступоре от вида мёртвых человеческих тел, Кимор так вообще отбежал, когда осознал, что один из озлобленных волков находится среди них. Зидхан с серьёзной толикой разочарования в глазах посмотрел на своих соплеменников, его посетила мысль, что на таких людей нельзя полагаться всецело, доверять, что они с радостью бросят своего вождя на произвол судьбы, если от этого будет зависеть их жизнь. Времени на выяснение отношений не было, выжившие схватили оружие и добычу и ринулись со всех сил на восток, в сторону деревни, однако далеко им уйти не удалось.

Вскоре за спиной живых охотников послышался протяжный леденящий душу вой, за которым последовали многочисленные жуткие звуки, говорившие о том, что в погоню за людьми отправилась вся огромная стая клыкастых убийц, что бродили неподалёку от места трагедии. Трое древлян бежали колонной, последним шёл Кимор, туша мёртвого кабана сильно замедляла его передвижение, его жизнь в этой ситуации напрямую зависела от уровня его выносливости. На горизонте уже виднелись крыши домов и клубящийся в небе дым – спасение было слишком близко, но неожиданно беглецов настигли суровые лесные обитатели. Кто-то внезапно набросился на Кимора со спины и потащил назад, в темноту, Зидхан остано-

вился, а другой охотник побежал дальше, вперёд, не отреагировал даже тогда, когда вождь сам в этот момент приказал ему развернуться и помочь.

– При следующей нашей встрече – отрублю голову за проявленную трусость, – прошипел злобно властитель Волоха, глядя вслед убегающему человеку.

До Кимора с вождём успели добраться четверо волков, до прихода остальной стаи было чуть больше минуты. Пухлый юноша выглядел совершенно беспомощным: он отбивался от разъярённых зверей маленьким кинжалом, лёжа на спине, и при этом изо всех оставшихся сил старался не дать хищникам утащить его богатую добычу. Двое остроухих зверей налетели на вождя, тот быстро вытащил из-за пояса одноручный топор и чуть ли не моментально расправился с нападавшими. В следующее мгновение Зидхан уже готовился оборвать жизни ещё двух серых бестий, жутко терзающих Кимора из-за доверенной ему добычи, но вдруг к месту сражения подоспел хозяин Мрачного леса. На вождя Волоха из ниоткуда набросился огромный волк, размерами вдвое больше медведя, с шерстью чернее самой ночи и глазами красными как кровь – при появлении зверь ударил человека передней лапой, да так сильно, что Зидхан отлетел и ударился спиной о жёсткую древесную кору. Сын Дархана был ошеломлён, от сильного столкновения с дубом его взор помутнел на несколько секунд, а когда ему удалось подняться на ноги, то он уже не увидел волков и их вожака, они словно испарились, вместе с телом мёртвого кабана.

– Где они?! Куда делись?! Где добыча?! – спрашивал разъярённо Зидхан, едва ли не вскрикивая каждое произнесённое слово.

Кимор не отвечал, а лишь хныкал от страшной боли у небольшого пня в паре шагов от места, где на него напали. Всё его тело было изодрано когтями, на открытых ранах виделись следы волчьих зубов, но хуже всего пришлось правой руке юноши, которую хищники разорвали вплоть до костей, чтобы человек более не мог удерживать свою добычу.

– Прости, вождь, прости... о боги! Как же больно! – молвил Кимор слабым голосом.

– С поражением... я более мириться не намерен! – воскликнул Зидхан озлобленно и, подняв топор с земли, в мгновение ока отсек соплеменнику пострадавшую конечность. – Не намерен более прощать неудачи своим людям, Кимор, ибо теперь лишь страх передо мной не позволит им отступить, не позволит снова струсить и сбежать с позором!

Овальная поверхность древесного пня, на котором лежала кисть руки охотника перед самым отсечением, стремительно заполнилась кровью Кимора. Красная жидкость начала растекаться и вскоре ручьём утекла в землю. В момент удара Кимор закричал, и его голос раздался жутким эхом едва ли не по всему Мрачному лесу, но явившийся затем гнев вскоре унял боль юноши, и он, обратив презрительный обезумевший взгляд к Зидхану, проговорил:

– Будь ты проклят, вождь! Насколько же нужно быть безрассудным и испорченным человеком, чтобы в такие тяжёлые для народа времена добровольно становиться ещё одним угнетателем?! Ведь таким образом ты объявляешь войну собственным людям, соплеменникам, друзьям! Задумал зло учинить тем, кто не сможет дать тебе отпор, якобы им же самим во благо?! После такого предательства я тебе клянусь, норманнский выродок, что если судьба предоставит мне возможность отомстить – я несомненно вернусь с того света и убью тебя! Для меня отныне ты, Зидхан – главный враг, а не те адские твари, что сейчас шли по нашему следу.

Глава Волоха намеревался ответить на столь резкие слова умирающего охотника, но в чаще внезапно блеснули целые десятки глаз разъярённых животных, с их стороны доносился нарастающий бешеный рёв огромной волчьей стаи – если сейчас не обратиться в бегство, то смерть будет неминуема. В последние секунды своей жизни Кимор смотрел на вождя и, покашливая от притока крови к горлу, безудержно смеялся: перед смертью он хотел увидеть, как Зидхана постигнет заслуженное возмездие. Однако на деле случилось нечто совершенно иное, но при этом ещё более злое – орда кровожадных хищников, подобно огромному чёрному морю быстро захлестнувшая всё лесное пространство перед глазами человека, неожиданно

остановилась в нескольких шагах от безжалостного вождя. С трудом воздерживаясь от нападения, волки будто бы ждали чего-то, их словно кто-то держал на невидимой цепи.

Зидхан не понимал, что происходит, и израненный Кимор выглядел озадаченным, пока ситуацию не начала прояснять пролитая кровь. Когда вождь начал отступать назад, он почувствовал, что ступает не по снегу, а по каким-то неглубоким лужам, его ужаснуло то, что он увидел под ногами. Красная жидкость разошлась на многие аршины от осквернённого ею пня и стала преобразовываться в изображение неизвестных кровавых символов, а вождь как раз находился в пределах этого ужасающего изображения. Алые лужи при следующем резком дуновении ветра покрылись льдом, от них начало исходить сильное сияние того же цвета, последовал мистический звон, и в ту же секунду вся волчья стая резко завывала.

– Что происходит?! – спрашивал вождь, поражённый недоумением и страхом.

Глаза Кимора заметно расширились, с разинутым от жуткого удивления ртом он смотрел на что-то необычайно страшное, по его взгляду можно было понять, что это что-то сейчас находилось позади вождя. Зидхан с опаской поглядывал на стаю стоящих перед ним волков, его взор с испугом метался от одного из них к другому, вождю не хватало духу сейчас повернуться к таким существам спиной – по его мнению, они только того и ждали, когда он утратит бдительность, чтобы можно было внезапно напасть исподтишка. Человек был настолько испуган, что в эти самые минуты не мог задуматься над тем, почему при такой численности хищники не напали на него в открытую. Просветление на него сошло только тогда, когда изувеченного им юношу внезапно накрыла огромная зловещая тень. Кимор неожиданно потерял сознание, Зидхан услышал сильный скрип снега за спиной и всё-таки был вынужден развернуться, как оказалось, самый грозный враг находился всё это время именно позади него. Пред вождём из Волоха вновь предстал здоровенный чёрный волк с красными глазами, и сейчас этот зверь выглядел иначе: соприкоснувшись с кровавыми лужами, составляющими необычную символику на снегу, сама тьма в округе начала переполнять его тело и впитываться в его шерсть, глаза стали сиять ярче, а из пасти начал вырываться багровый огонь. Когда таким же цветом стали загораться и когти, а в округе всё стало меркнуть, словно бы мир начал буквально угасать, Зидхан понял, что если позволит волчьему вожаку и дальше становиться сильнее, то шансов его одолеть уже никаких не будет. Поэтому человек поспешил возложить новую стрелу на тетиву, натянул её с как можно большей силой и по готовности отпустил, целясь прямо меж глазниц жуткого порождения ночи, но всё пошло не так, как можно было предположить.

Волк внезапно вскочил и перехватил зубами стрелу, летевшую в него, в мгновение ока разломав её надвое. Вождь успел выстрелить ещё дважды после этого, но его враг будто бы и не почувствовал боли от острой стали, вонзившейся в его тело. На морде волка тут же отразилась ярость, внезапно он не завыл, а ужасающе заревел, как лев, и ринулся на ошеломлённого человека. Предводитель людей не успел и нож достать из-за пояса, как зверь настиг его, своими клыками ухватил за плечо и начал терзать, сильно волоча человека из стороны в сторону. Рядом был небольшой утёс, человек видел в этом возможность сбежать с поля боя, где у него не было никакой надежды выжить в ожесточённой схватке. Достав нож, Зидхан сумел ранить хищника в шею, и тот от боли разомкнул зубы и швырнул человека вниз по склону. Прокатившись порядка ста аршин, Зидхан кое-как смог встать на ноги и побежать в сторону деревни. Бежал он медленно, так как волк успел разодрать ему в кровь ноги своими когтями, зверь же неустанно мчался вслед за человеком. Зидхан на выходе из леса споткнулся о корни деревьев и упал наземь, с безумным страхом в сердце он пополз из последних сил в сторону древлянского поселения. Вожак стаи догнал человека, но тот в последний момент сделал сильный рывок вперёд и буквально выскочил из-под лап зверя. Упав на спину у опушки леса, Зидхан ожидал момента своей кончины в тени красноглазого монстра. Но волк не вышел за пределы леса, он не решился показаться пред солнечным светом на открытом небе. Вместо этого он пристально наблюдал за изнемогающим человеком, который уже приподнялся с земли и посмотрел зверю

прямо в глаза, в его красные, как кровь, глаза, и его снова охватил страх, но в этот миг Зидхан не понял, чего он боится. Лес был мрачен, дневной свет слабо пробирался через густые заросли листьев на деревьях, создавалось ощущение, что опушка лесная – была входом в самую Тьму, а волк знаменовал страшную участь для тех, кто перейдёт границу. Глядя в глаза зверя, Зидхан сказал:

– Ну? Чего ты ждёшь? Чего ты ждёшь!?! Я здесь, перед тобой! Выходи на свет! Покончи с этим. Лишь один из нас может быть хозяином этой земли!

Человек полагал, что его слова останутся без ответа, но вдруг ему всерьёз стало казаться, что он слышит внутри себя мрачный голос животного:

– Неужто тебя лишь этот вопрос интересует, жалкий человек? Я был близок к тому, чтобы забрать у тебя самое дорогое – твою жизнь! А тебя волнует лишь то, кто из нас будет якобы властвовать в этих землях!? Твоя участь и участь всего твоего народа предрешена, грядёт время великих бедствий, и деревню Волох они не обойдут. Жди своего смертного часа, человек, ибо пусть я не добрался до тебя сегодня, придёт время, когда мрак падёт на землю, и стены твоего жилища не смогут укрыть тебя от меня.

Когда волчий голос затих, сам зверь начал отходить всё дальше вглубь лесной чащи. Казалось, он растворился во тьме леса, а его глаза, подобно двум красным огонькам, всё продолжали смотреть в сторону изнемогающего охотника. Зидхан не переставал слабеть от нанесённых ему ран, страх по-прежнему терзал его разум, в глазах гаснул свет жизни, взор застелила тьма, и он упал без сознания на холодный, пропитанный его кровью снег.

Глава 1

Борьба за жизнь

Сгустились тучи, стоял декабрьский вечер восемьсот шестьдесят первого года. Погода портилась: поднялась сильная метель, воздух становился холоднее, завыл ветер, проскальзывая через ветви крон лесных – становилось ясно, что близится снежная буря.

В окружении мрачных деревьев, голых камней и замёрзших ручьёв шёл по заснеженной дороге путник, одетый в старинные сапоги из кожи, тёмные порты, кожаные рукавицы, бурую изношенную рубаху и, поверх всего, в тёмный длинный тулуп. За спиной у него была небольшая котомка с едой, в ней лежали и карты, составленные по большей части вручную. В правой руке он крепко сжимал посох длиной чуть больше старческой трости, который помогал ему «нащупывать» дорогу, расположенную под глубоким слоем снега; левой рукой он плотно придерживал у груди некий предмет, замотанный в светлую ткань, по форме напоминающий книгу. За весь свой путь странник очень часто устраивал привалы, сверялся с картами, чтобы определить дальнейшее направление, но в условиях надвигающейся бури он больше не мог позволить себе останавливаться ни на минуту. Путник двигался по неизвестной для него земле, а отсутствие жилых деревень усложняло его ориентирование. Он шёл и постоянно озвучивал свои мысли вслух, ибо уже не был уверен в том, что не сошёл с ума:

– Этой земле конца и края не видно! Не ведаю я – найду ли жизнь в этой ледяной пустыне. Видать, призрак привёл меня на верную погибель, указав путь в обход человеческого уюта и мирного жилья. Припасы заканчиваются, лихая сила поволочилась вслед за мной – мне следует готовиться к худому... (покашливает)... концу своего путешествия.

Задумавшись над собственными словами, путник и не заметил, как сумел взобраться на высокий заснеженный холм, на который по неизвестной причине устремлялась дорога. Когда странник взобрался на вершину, пред ним открылся прекрасный вид на окрестности. Устремив свой взор на северо-восток, человек смог вздохнуть с облегчением, ибо он обнаружил, что в четырёх верстах от него расположена жилая деревушка, со всех сторон окружённая лесными владениями. Почесав свою густую чёрную бороду, путник со слабой улыбкой на лице промолвил:

– Ну что же, как бы там ни было – у меня появилась надежда на нечто большее, чем бесславная смерть на снежном просторе.

Тут он обратил внимание, что дневной свет стал меркнуть прямо на глазах, солнце затянули зимние сумерки. Человек, решив передохнуть на вершине холма, откуда открывался красивый вид на деревню, совсем позабыл о снежной буре, что следовала за ним. При первом сильном дуновении ветра путник оглянулся и, поторопившись идти дальше, сказал:

– Господи... моя надежда, как и дневной свет – с течением времени может и померкнуть.

Поспешным шагом он устремился вниз, к подножью холма. Налетела вьюга, ослепившая странника так, что тот перестал видеть дальше собственного носа – снег нещадно бил в лицо и тем самым задерживал человека. Перестав обращать внимание на вьюгу, путник устремился вперёд, к входу в лесную чашу. Немного не дойдя до нужного места, странник поранил правую ногу об острый камень, сокрытый под слоем снега. Не придав ранению серьёзного значения, он удвоил усилия по преодолению снежной бури, в конечном итоге настигшей его. На удивление, при всех своих хаотичных движениях, человек не потерял связь с основной дорогой на север, как раз пролегающей через этот лес. Интересно и то, что после захода в это природное владение основная тропа, отходящая от главного тракта, по которому шёл путник, не была покрыта толстым слоем снега – она была ясно видна глазам странника, и его потребность в посохе поубавилась. Пройдя порядка пятидесяти шагов по лесной тропе, путник не раз оглядывался, чтобы убедиться, что ему всё это не мерещится, ибо после захода в лес можно заметить, что при страшной снежной буре, буйствующей за пределами деревьев, внутри лесного владения стояла оглушительная тишина. Отсутствие дуновений ветра, тёплый загустевший воздух, мрачные и по большей части не покрытые снегом деревья – всё выглядело так, будто здесь стоял конец осени, а не середина зимы.

– Удивительно. Возможно, столь тяжкий и долгий путь по пустынным землям не станет напрасным, возможно – я найду то, зачем пришёл, возможно, я ... агхх!!! – сказал путник, чью речь прервала острая боль в правой ноге.

Он упал наземь и лежал, пока боль не ослабила хватку, затем человек принял решение сойти с дороги и «подлатать» рану, присев у небольшого валуна. Оголив правую ногу, стран-

ник был неприятно удивлён тому, что из-за незначительной, как ему казалось, царапины произошло сильное кровотечение. Крови было много, а сама рана зияла от середины голени до стопы. Странник не испугался, хоть и выразился не самыми добрыми словами, когда увидел подобное. Взяв себя в руки, он достал из котомки кусок чистой ткани и плотно обмотал ею всю голень правой ноги, начиная от колена. Большое внимание ему пришлось уделить, прежде всего, остановке кровотечения, чтобы не оставить за собой «яркий» след для лесных хищников. Когда всё же человеку удалось встать на ноги, он сказал:

– Ну и напасть! Буду надеяться, что в этой деревушке найдётся хороший знахарь, ибо не лежит к тому душа, чтобы калекой становиться столь рано.

Вдруг путник услышал злобное рычание позади себя, оглянувшись, он увидел перед собой лютого волка – одиночку, который считал человека не столько добычей, сколько возможной угрозой для себя. Путник потянулся к своему посоху, но тут зверь зарычал ещё сильнее и оскалил клыки, тогда странник замер на месте, опасаясь сделать какое-либо резкое движение. Смирненно выпрямившись, человек был готов дать отпор хищнику голыми руками в случае, если тот осмелится напасть.

– Ну что, добрый мой товарищ волк? Может, разойдёмся по-хорошему? Или будем решать вопрос старым способом: кто прав – тому новая меховая шапка, – с сарказмом говорил путник, пытаясь отбросить собственный страх перед животным.

Зверь ответил лишь ещё более громким рычанием. Первым предпринимать каких-либо действий не стал: он упорно продолжал смотреть на свою жертву и ждать. Увидев это, путник старался не давать волку повода для нападения. На лице странника выразилось волнение, в подобных ситуациях ему явно не так часто приходилось бывать, он знал, что зверью не следует показывать свой страх – оно почувствует его, использует против тебя самого.

Успокоившись, путник так же намертво уставился на волчью морду, хищник теперь выглядел скорее любознательным, чем угрожающим. Долго они так смотрели друг на друга, пока человек не сказал:

– А ведь мы с тобой похожи, гляжу на тебя – словно в зеркало смотрю. На таком морозе нам обоим приходится нелегко, и, чтобы выжить, необходимо бороться как с холодом, так и с другими «голодными ртами». Нет больше того семейного уюта, что был дан каждому из нас в начале, смерть всегда таится где-то поблизости, когда остаёшься один, и миновать её – великое искусство.

Он говорил не столько с волком, сколько с самим собой, стремясь рассуждениями успокоить свой разум, прогнать тревогу. Вдруг у странника резко заболела нога, и он схватился за свою рану, при этом быстро наклонившись вперёд и громко вскрикнув от боли. Хищник счёл это за угрозу: зарычал, вновь оскалился и вдруг набросился на путника.

Сильные передние лапы зверя не просто сбили человека с ног, а скорее вдавили его в землю. Повалив противника наземь, волк попытался вцепиться своими мощными челюстями в горло жертвы, но боль в ноге и внезапное подлое нападение смогли пробудить в страннике страшную ярость, придавшую ему огромную силу. Путник собрался с духом, зло посмотрел зверю в глаза, схватил его за передние лапы и перебросил волка через себя на расстояние трёх шагов. При падении волк сильно ударился головой о стоячий камень, подниматься ему приходилось тяжело и долго. Пока зверь приходил в себя, человек ползком ринулся к своим вещам, лежащим в снегу за пределами дороги. У путника будто бы не осталось сил идти, словно его боевой дух придал силы лишь рукам его – орудию борьбы за свою жизнь. Заметив, что хищник начинает нагонять, странник стал в первую очередь тянуться за посохом. Волк бросился жертве на спину, впился в тело человека когтями и принялся раздирать спину в кровь, и в этот момент путник развернулся и ударил зверя по морде своим деревянным орудием. Удар был сильным, посох сломался, волк был ошеломлён, а путник в этот самый момент еле успел взять с земли тот самый загадочный предмет, завёрнутый в светлую ткань.

Зверя переполнила злоба, взглянув на человека вновь, он помчался на него, словно таран на ворота. Путник стоял спиной к волку, в момент столкновения он бросил в сторону развёрнутую светлую ткань, обернулся и ладонью ухватил лоб животного. Сила, с которой мчался лесной житель, вынудила человека упасть на колени, но он по-прежнему держал ладонь на его голове. Путник и волк снова встретились взглядами, но хищник в этот раз будто бы оцепенел, потерял способность двигаться. Пока ярость ещё кипела в нём, странник, не отпуская ладонь, повторял снова и снова слова:

– Я... тебе... не... враг. Я... тебе..... не враг! Я тебе не враг! Останови свой натиск!

Путник произносил слова медленно, но с каждым разом всё громче и громче, словно он пытался достучаться до самой души волчьей. Его голос в этот миг звучал как раскат грома, исходящий от него к зверю, некая сила будто бы выбивала из животного всю злость. Он внимал, постепенно стал забывать о своей ярости, его глаза были сильно напряжены и взволнованы – будто бы волк узрел окружающий мир в новом свете, в свете человеческого понимания вещей. Стало заметно и то, что с того момента, как человек ухватил зверя за лоб и стал с ним говорить, вдоль его руки простёрлись странные, светящиеся жёлтым светом рунические символы. Казалось, это сияние было потоком духовной энергии, направленной к зверю. Путник держал животное левой рукой, но руны указывали на источник энергии, исходящий от правой руки, а точнее, от предмета, которого она касается. То была толстая книга в шёлковом переплёте, который явно недавно был на неё наложен. При её использовании в обращении со зверем предмет стал заметно светиться золотистым цветом, а неизвестная светлая энергия переходила к путнику с ещё нераскрытых страниц книги. Что это была за сила – не ведал и сам человек, он лишь верил, что был хранителем великого знания, с коим предназначено совершать исключительно благие, добрые дела, несущие просвещение и целительный свет в сердца всех живых существ.

После первых сказанных слов в той же манере последовали и другие, обращённые к волку:

– Ты, дитя загадочного леса, станешь мне величайшим другом, защитником, опорой в моих таинственных изысканиях в этих землях, о коих ты явно ведаешь больше меня. Я даю тебе выбор! Помоги мне выбраться из суровых оков этой беспощадной зимы, преодолеть все её тяготы в жизни человека, взамен я обещаю заботиться о тебе – вместе будем делить кров, еду и тепло. Станем малой, но при этом дружной братской стаей, где никто не будет брошен на произвол судьбы! Выбери этот путь или же... попробуй вновь убить меня. Решай.

Закончив говорить, путник убрал руку с волчьей головы, пошатнулся и упал на оба колена. Как оказалось, использование книги способно сильно вымотать жизненные силы «читающего», даже если тот и не открывал её. К тому же схватка со зверем тоже начала сказываться на телесном истощении человека, как и полученная рана. Волк по-прежнему не шевелился, он находился в некоем трансе или по-прежнему был в плену «книжных чар», возможно, что и всё сразу. Путник, сдавшись на милость зверя, опустил голову в ожидании исхода. Яркий свет погас.

Настало одно из решающих мгновений в жизни человека. Волк либо поймёт смысл слов странника и сохранит ему жизнь, полагая, что судьба поведёт их единой дорогой, либо, поддавшись инстинктам, добьёт беззащитную жертву.

Сумрак заполнил небесные своды, вскоре мрак окончательно сгустился над землёй. Повеял слабый ветерок, таинственным образом становящийся тёплым в пределах Мрачного леса. Над кронами деревьев возвысился ясный белый месяц, его приветствовал волчий вой с самых разных концов лесного владения. Навеивалась необычайно зловещая обстановка во всей округе, было бы не удивительно, если бы подобный леденящий душу звук свёл с ума человека или мгновенно вселил в него страх. Под прямым сиянием луны деревья будто бы чернели, кроны «старались» сокрыть лунный свет, по-прежнему не позволяя ему освещать просторы лесной чащи. Казалось, что всё вокруг – земля, реки, волки, деревья и ветер представляет собой нечто единое целое, оплот свирепой тьмы и пронзающего ужаса, вся природа была пропитана чем-то неестественным, скверным. Дорога словно манила заплутавших путешественников на верную гибель, ведь тропы были уж слишком сильно запутаны, вели кругами или даже в тупик, имели извивающуюся форму. Некая страшная злостная сила дремала в течение дня, но простёрлась ночь, и она выползла из своей берлоги, после чего в сопровождении воя волков отправилась на охоту.

В скором времени волчий вой приутих и сменился с «гула» на «перекличку», начали слышаться одиночные, казалось, голосовые сигналы, видимо, звери, выйдя на охоту, разбились на группы и пытались поддерживать связь с основной стаей. Так они сообщали друг другу о своём месторасположении, о просьбе помочь или об окончании охоты. Активнее всего вой слышался в юго-западной части леса – он был довольно частым и протяжённым. Ему постоянно отвечали по несколько голосов, после чего он сам затихал, проходил какое-то расстояние по направлению к самой пучине лесной чащи, затем снова начинал завывать.

По главной дороге, ведущей через лес в деревню с юга, передвигался тот самый знакомый волк. Вдоль всего пути лежали большие голые камни, по которым зверю было удобно одновременно и идти, и ориентироваться на местности. То был тот самый волк-одиночка, вступивший в сражение с измотанным дорогой путником, он передвигался, попеременно останавливаясь на две или три минуты – это казалось странным, пока не выяснилось, что зверь мешкал в ожидании кого-то, кто следовал за ним.

– Эх... повременил бы лучше, куда ты так спешишь? Хорошо бы остановиться, да передохнуть малость, убавь ход, дружок! – послышался голос путника позади волка, удобно расположившегося на камне в ожидании своего «попутчика».

– Фух, дай-ка отдышаться хоть немного, – сказал человек, поравнявшись со своим мохнатым проводником. – Да куда ты снова вскочил? Остановись ты, Бога ради, слышишь меня, Амикум!

Видимо, после того, как зверь всё же пощадил путника, между ним и человеком возникла некая связь: они оба впредь решили идти одной дорогой. Странник даже дал зверю имя – Амикум, что означает «друг». Спустя два часа непрерывной ходьбы путник уже не мог скрывать свою сонливость и сильную усталость – он то и дело пытался поспевать за животным, но его тело уже начало заметно требовать отдыха. Волк же по природе естества своего был бодрым и активным, для него ночь была ярче дня. То, что произошло между ними при первой встрече, можно было считать недоразумением, поскольку после того, как сила книги пробудила в звере сознательные чувства, они словно смогли понять друг друга, пообщаться и тем самым подружиться. Волк понял, что путник стремится попасть в ту самую деревню, что расположена в самой глубине леса, понял, что должен провести его надёжным путём, но не думал о том, что одному из них требуется длительная передышка, ибо ночное время – время сна для человека. Зверь непрерывно выл через каждые две сотни шагов, ориентируясь на стаи хищников, устремлялся вперёд по дороге, пока всё же одно обстоятельство не заставило его остановиться. Волк, оглянувшись, увидел, что путник более не идёт за ним, того не было видно на привычном для зверя расстоянии.

На обратном пути Амикум обнаружил, что следы его попутчика простёрлись за пределы дороги. Зверь забеспокоился, ибо ему самому тяжело приходилось рассчитывать путь, полагаясь на передвижение стаи волков и своего измотанного друга. Он ринулся по следу, который вёл от дороги на север, напрямик к деревне через опасные места.

Основная дорога через лес носила название Волчий клык, ведь в понимании местных жителей острые голые камни, расположенные почти вдоль всей дороги, воспринимались как жуткие острые зубы самого леса, известность которого в основном омрачилась именно приходом волков. Эта тропа была наиболее безопасным путём через лес для людей, но лишь в течение дня, ночью – за пределами деревни не было безопасного места. Днём дорога была надёжной, так как волки, появляющиеся на ней в это время, по большей части не были членами кровожадных стай – они были отшельниками, одиночками и если видели человека, то в большинстве случаев старались его не тревожить. Но Волчий клык сам по себе был труднопроходимой и очень извилистой дорогой. Путь от входа в Мрачный лес до деревни носил кривую крюкообразную форму, преодолеть который потребовалось бы больше дня непрерывного хода.

Путник прошёл половину этого пути и, видимо, осознав всю его протяжённость, решил сократить свой путь в соответствии со своей «памятной» картинкой, полученной при первом своём взгляде на Мрачный лес с высокого заснеженного холма. Волк взял след путника и пошёл за ним. Для раненого и сильно измотанного человека странник прошёл необыкновенно большое расстояние. В итоге след привёл на просторную, озарённую лунным светом поляну, в центре которой возвышался огромный дуб, а у его корней удобно расположился и сам человек. До прихода Амикума он успел сменить повязку на раненой ноге и вновь вытащить книгу из котомки. Раскрыв её, путник словно почувствовал огромный прилив сил и надежды, однако этого явно было недостаточно, чтобы продолжить путь. Странник выглядел так, будто бы он либо не хотел, либо не мог встать на ноги. Книга для него была в этот миг как тёплый светлый костёр, у которого можно хорошо погреться и который может озарить светом чуть ли не всю поляну вокруг. Точно такое же влияние она оказала и на волка, ещё даже не успевшего подойти довольно близко к человеку.

Путник поднял голову и, завидев своего проводника краем глаза, сказал:

– Амикум, это прекрасно. В своих руках я держу нечто большее, чем просто книгу: я чувствую сильный поток душевной радости и гармонии. Неужто ты не ощущаешь этого? Из-за неё я брожу по этим заснеженным землям – она привела меня сюда! Зачем? Я не знаю. Но когда я вижу сны, я ясно слышу в них нежный женский голос, зовущий меня в столь дальние края. Моя жизнь не гладко сложилась на родине, там я не видел для себя будущего, но она говорила

мне о душевном блаженстве, телесном покое и семейном счастье, которое, как ни странно, я мог бы обрести именно здесь... именно здесь.

Глаза волка, завидев «книжное сияние», заметно раскрылись, в них этот свет нашёл отражение, а через глаза он озарил и саму звериную сущность изнутри. Животное приблизилось к человеку, тот ласково погладил зверя, посмотрел на него, словно на старого верного товарища, и напоследок проронил шёпотом лишь:

– Амикум... друг... теперь... настоящий друг.

Это звучало как окончательное признание, хоть и весьма странное: волк из врага превратился в друга менее чем за сутки, человек либо был уверен в волшебном эффекте книги, либо сам находился под её дурманом. После этих слов путник снова опустил голову, он продолжил смотреть на мерцающие золотистым цветом страницы, пока сон окончательно не сморил его.

Присев рядом со своим попутчиком, волк будто бы просто наслаждался сиянием книги и исходящим от неё теплом, которое вовсе не было иллюзией. До того, как сон нагрязнул к путнику, они вдвоём очень долгое время сидели и поглядывали в книгу. Едва завидев, что человек прикрыл глаза и более сознанием не здесь находится, зверь, ухватив его зубами за тулуп, надёжно прикрыл человека от холода, расположил его у мощных древесных корней. Когда они оба отвели взгляд от книги, её свет начал постепенно угасать.

Амикум некоторое время непрерывно обходил ближайшие окрестности вокруг дуба, копался в снегу, принимался к своим следам и следам путника – он стремился этими действиями уяснить для себя, что обстановка, в которой они с человеком оказались, безопасна, и, поверив в это, он вернулся к могучему дубу. Странник по-прежнему спал крепким сном, однако не на это обратил внимание волк. Зверь заметил, что книга перестаёт испускать сияние, он приблизился к ней, присел на задние лапы, а затем потянулся всей мордой к ней и будто бы стал видеть её иначе. Если он и замечал в ней нечто особенное, то это было лишь тогда, когда она находилась в руках путника, а не в снегу у подножия огромного дуба. Амикум решил прилечь рядом с этой загадочной вещью, но не успел он толком принять удобное положение, чтобы подремать, как вдруг вся округа заметно переменялась, становилась мрачнее вместе с тем, как свет книги становился всё слабее.

Поднялся сильный ветер, при внезапном дуновении книга резко захлопнулась. Волк насторожился, запрыгнул на высокий камень, стоящий рядом с дубом, и снова издал одинокий протяжный вой. Волчья стая, собравшаяся воедино, ответила ему, но, на его счастье, она была довольно далеко. Однако в этот раз Амикум услышал кое-кого ещё, сравнительно близко с Лунной поляной раздался грозный медвежий рёв. Волк бросился в сторону казавшейся ему угрозы, выйдя за пределы поляны, он направился в густую тёмную чащу Мрачного леса. Путник не был потревожен звериным диалогом: он всё так же лежал у корней дуба и видел сон.

Вдруг показалось, что на поляне кто-то есть. Явственно, как удар молота по наковальне, были слышны чьи-то тяжёлые, скрипучие на снегу шаги. Лунный свет начал уходить под воздействием надвигающихся туч, но перед тем, как его не стало, перед путником возвысилась некая зловещая фигура, отбросившая свою огромную чудовищную тень прямо в сторону спящего человека. Казалось, что из-за этого у путника сменился чудный сон на ужасный кошмар, ибо тот начал сильно ворочаться и слабо стонать, будто бы от боли. Громадное существо жутко зарычало, рык этот был «холоден» и пронзителен, но и он не смог пробудить странника ото сна. Луна скрылась за тучами, мрак заполонил округу, а тень огромного зверя растворилась в темноте. Существо стало подходить ближе к спящему человеку, слышно было его зловещее дыхание чрез оскал зубов. Но в тот миг, когда он подошёл вплотную – книга раскрылась сама по себе и резко воссияла ярким, как солнце, светом. Она развеяла тьму и прогнала зверя обратно вглубь лесной чащи, тот, явно испугавшись столь яркого сияния, бежал и издал настолько сильный вопль, что даже небесный гром прозвучал бы тише. Путник всё же проснулся, он узрел, как огромная зловещая тень промелькнула перед его глазами и скрылась за пределами дере-

вьев. Его взор был всё ещё слаб и при взгляде на снова меркнувшую книгу постепенно возвращался в сон.

Лунный свет снова воцарился на поляне. Оставалось неясным, куда подевался Амикум и что за существо навестило путника этой ночью, а судя по страшному пронзительному рёву, это был отнюдь не медведь.

Глава 2

След прошедшей ночи

Впервые за долгое время тёмные густые тучи развеялись, и солнечные лучи стали понемногу показываться на горизонте. Приближался рассвет, но по-прежнему господствовала ночь со всеми присущими ей кошмарами и ужасами. Мрачный лес всё ещё оставался опасным местом, однако после приключившихся событий последних часов он стал заметно меняться в обличье своём. Явление света возмутило тьму, довольно долго царствовавшую в этих землях, оно придало окружающим растениям их естественный вид. Древесная кора деревьев, стоящих вокруг Лунной поляны и чуть дальше, изменила цвет с чёрного на бурый, как и листья с серого на зелёный, начали цвести тюльпаны и мятники, снег и холод таинственным образом исчезли. Можно сказать, что на Лунную поляну пришла весна, хотя и недолго она простоит, ведь некая тёмная сущность пусть и была изгнана за пределы этого места, но она не собиралась уступить этот удел ни свету, ни человеку.

Лунная поляна превратилась в поистине прекрасное место: всё вокруг цвело, веял свежий тёплый ветерок, шелестела густая зелёная трава, запели птицы, и по поляне местами бегали мелкие зверушки – полевые мыши, зайцы и белки. Путник лежал на земле рядом с дубом, и вид у него был измученный, ибо прошедший день был непосильным для любого человека, пережить который страннику позволила лишь сверхъестественная сила, которую он привёл за собой. Загадочная книга лежала в двух шагах от спящего путника в раскрытом виде. Несмотря на сильное дуновение ветра, в ней не перелистывались страницы под напором воздуха, она застыла, как мрамор. Все страницы книги были насыщены светлой энергией: когда человек смотрит в неё, ему прежде всего кажется, что он смотрит на бездонный солнечный океан, где частицы светлой энергии, как волны, переливаются между собой. Такая обстановка на Лунной поляне длилась недолго, вплоть до возвращения Амикума, которому этой ночью довелось увидеть что-то ещё, не менее страшное, чем то, что видел его товарищ – путник.

Волк вернулся на Лунную поляну. Он был в незавидном состоянии: на теле виднелись кровавые царапины и неглубокие раны, Амикум передвигался медленно, постоянно прихрамывая на переднюю левую и заднюю правую лапы. Несмотря на пережитое, волк не бросил человека на произвол судьбы.

Зверь тяжело дышал, странник проснулся из-за громкого болезненного стога животного, звука пережитого ужаса и страшной боли. Сначала путник, пробудившись, оглянулся и сильно удивился окружающему его миру, ведь, когда он погрузился в сон, ему всё запомнилось совершенно по-другому. Ему помнились мрак, холод, боль и зверство, а сейчас пред ним предстали свет, тепло, душевное спокойствие и гармония. Вспомнив всё произошедшее этой ночью, путник не смог не заметить, что некогда чудовищная боль от раны в ноге прошла, и как сильно он был удивлён, когда, сняв окровавленную белую ткань, увидел, что больше никакой раны и нет вовсе. Человек был исцелён, но на месте ранения кожа стала тёмно-серого цвета – создавалось ощущение, что рану прижигали. Странник уже стал сомневаться, что прошедшие события были именно вчерашним днём, но когда он обратил свой взор на Амикума, то с ужасом в сердце осознал обратное.

Волк был очень сильно изувечен и измотан, он упал рядом с раскрытой на густой траве книгой. Его глаза были заметно расширены, то, что волк увидел, оставило свой отпечаток страха, который отражался на нём до сих пор. Амикум, убедившись, что с путником всё в порядке, с неким именно облегчением упал на мягкую зелёную гладь травы, теперь он хотел лишь отдохнуть. Человек перепугался, подбежал к израненному животному и стал думать, как бы ему помочь.

Склонившись перед телом Амикума, путник в первые минуты пытался понять, как волк остался жив при таких ранах. Он потянулся за лечебными настойками, которые хранились у него в котомке, но когда странник открыл сумку, то увидел, что из семи целебных жидкостей, заключённых в малые пробирки, целыми оставались лишь две из них. Одна настойка была потрачена путником в попытке излечиться от своего увечья при заходе на мистическую тропу. Четыре других – разбиты из-за неосторожности человека в пути и сражения его с волком, где Амикум разбил пару настоек при нападении на противника, наступив мощными передними лапами на котомку. Путник поспешно вытащил один из целебных флаконов. Не мешкая, он начал брызгать содержимое пробирки на те части волчьего тела, где раны казались серьёзнее всего. Человек полагал, что Амикум находится в слишком тяжёлом состоянии, чтобы противиться лекарству, принятие которого вызывало не самые приятные ощущения, но, как оказалось, у волка силы ещё остались.

Едва жидкость попала на рану, зверь тут же начал скалиться. Амикум понимал, что путник не желает ему зла, пытается помочь, но от этого боль не становилась слабее. Волк рычал, но терпел, пока лекарство не впиталось в рану, тем самым усилив болезненные ощущения. В конечном итоге Амикум не выдержал, вскочил и начал метаться из стороны в сторону, будто бы в его крови был дурманящий яд, а не лекарство. Попытка странника успокоить Амикума не увенчалась успехом, ведь стоило человеку всего лишь к нему приблизиться, как вдруг волк невольно врезался на полном ходу в него, повалив наземь. Странник упал, но лежал недолго. Его решимость помочь бедняге не поколебалась, но в этот раз он предпочёл сначала обдумать свои действия, нежели снова лезть сломя голову. Недолго рассуждая, путник приподнялся, обратил взгляд на свою некогда поражённую тяжким ранением ногу, и перед его глазами пронеслось видение из прошедшей ночи. Он осмыслил то, что с ним произошло несколько часов назад, осознал, в чём была причина его исцеления и переменчивости окружающей его природы. С явным изумлением на лице путник перевёл взгляд от страдающего неимоверной болью волка к переливающейся золотистым светом книге. Он устремился к ней, при этом подзывая зверя к себе:

– Амикум, Амикум! Беги скорее сюда! Спасение... оно таится здесь!

Путник пытался поднять книгу с земли, но у него не получилось – на его удивление, предмет так сильно был пропитан жизненной силой и энергией, что даже корни ближайших растений вцепились в него. Тот же могучий дуб обхватил книгу вдоль её корешка намертво.

Лекарство вскоре перестало действовать, кровь вытеснила его из организма, Амикум постепенно возвращался в состояние «на пороге смерти». Как оказалось, все эти неглубокие ранения у зверя были пропитаны «чёрным недугом», ядом, который не просто был сильнее любого лекарства, но и при этом был неестественным по природе своей – наложен губительной тёмной силой. Волк был в настолько дурном состоянии, что сам начал осознавать, что, возможно, сейчас вдыхает воздух последний раз в жизни. В отчаянии он обратил свой взор на подзывающего его человека. Путник видел, как в волчьих глазах надежда на спасение стала угасать. Лапы Амикума были больше не в состоянии его держать, зверь покачивался, чуть ли не падал. В один из таких моментов, когда волк потерял контроль над равновесием собственного тела, путник еле успел подбежать и подхватить его при падении. С неким страхом в голосе он сказал:

– Что ты, друг мой? Неужто твой дух сломлен? Нет, такого быть не может! Мы уже, считай, не малый путь проделали, до выхода из этого проклятого леса уже рукой подать, а ты решил сдать сейчас, в паре шагов от спасения? Пусть ты и животное, но я дал тебе обещание, верное и нерушимое, что не брошу тебя на произвол судьбы. Так что стисни зубы, будем выбираться вместе из этой передраги.

Путник приподнял Амикума и, ведя его в сторону книги, с той же робостью, постепенно переходящей в уверенность, говорил:

– Тебе, Амикум, следует обрести веру, без неё у тебя может не оказаться сил бороться с тьмой, что накрыла нас. Этот предмет является воплощением благой божественной воли, способной спасти нас от страданий тела и духа. Сделай ещё всего одно усилие навстречу свету, позволь ему войти в тебя! Восстань из этой мрачной бездны, в которую нас пытается загнать этот лес, обрети веру внутри своего звериного сердца, прими свет, и он укажет тебе путь из мрачной мглы! Иди, мой друг, обрети мир внутри себя, а я... буду рядом с тобой во что бы то ни стало.

Амикуму было тяжело, но слова человека позволили ему воспрянуть духом. Между двумя разными существами установилось понимание, волк не вникал дословно в то, что путник говорил ему, но он смог почувствовать основную мысль сказанного, и это вдохнуло в него жизнь. Он направился к книге, овеянной светом и жизнью. И вот он возложил свои лапы на открытые золотые страницы, прикрыл глаза и попытался пробудить в себе нечто наиболее важное на тот момент – веру в добро и избавление при непреодолимом зле впереди. Яркое золотое сияние книжных страниц обрело форму и потянулось к ранам животного, начало очищать их от яда и пропитывать жизненной энергией.

Книга воссияла ярким светом, её сила вновь устремлялась к живому существу, держащему её. Понять, что зверь переживает в такой момент, человек не мог. Ясно было одно: светоносный артефакт не отверг Амикума. Дело осталось за малым, но при этом самым значимым моментом – признанием зверя своей веры в добро и свет. Энергия предмета пульсировала в волке, он явно чувствовал некое облегчение, ибо страдания его были отделены от него. Легко стало на душе и у путника, однако, направив всю свою силу на Амикума, книга перестала поддерживать жизнь в округе.

В единый миг завяли все цветы на Лунной поляне, зачернели деревья, их корни засохли, малые зверушки убежали дальше в лес, туда, где, как им казалось, было безопаснее. Повеял холодный ветер, снег снова начал накрывать всё кругом. Поляна омрачилась, но надежда сохранялась. Неожиданно для путника она померкла вместе с целебным светом книги: ветер захлопнул артефакт и развеял светоносную энергию, связывающую волка и заветный предмет. Амикум повалился наземь, так на нём сказался этот сверхъестественный разрыв.

Человек, увидев это, испугался, подбежал к зверю, сохраняя некие остатки надежды на благой исход. Всё случилось совсем не так, как, по мнению странника, должно было произойти: неожиданно тёмная скверна, заключённая в крови Амикума, оказалась сильнее жизненной энергии самого света. Лунная поляна вновь становилась мрачной, какой и была до прихода путника, и оказалось, что могущество Тьмы в этом месте незыблемо.

Странник приподнял голову волка и с ужасом осознал, что в животном погасла жизнь, он умер. Человек впервые почувствовал себя по-настоящему одиноким, он обнял Амикума и долго не отпускал, страдал от мыслей о том, что его четвероногий друг погиб по его вине, ведь волк пострадал именно из-за своей верности необычному братству.

Путник не стал хоронить Амикума, этого не позволяла ни ситуация, ни личные убеждения человека, который посчитал, что само место – Лунная поляна – было достойным «надгробием» для его верного попугайчика. Не следует отделять волка от бледного света луны, ибо она – его путеводитель и в жизни, и в смерти.

Странник более не доверился Волчьему Клыку, теперь он пошёл напрямик по глубоким ямам и крутым склонам. Человек стал хмурым и «каменным» снаружи, хладнокровным

и унылым внутри. Он больше не верил в благой исход чего-либо, а допускал возможность неудачи своего похода на север в той же степени, как и возможность успеха, если более не верил именно в свою внутреннюю, духовную неудачу. Его мысли были насыщены печалью по случившемуся, среди них также сильно выделилась мысль самоосуждения. Человек не мог себя простить прежде всего за то, что он подавал своему четвероногому другу ложные надежды на благое будущее, ложную веру в обязательное спасение и души и тела. Путник постоянно оглядывался, полагая, что призрак умершего Амикума может быть где-то рядом, он так хотел попросить у него прощения, чтобы хоть как-то облегчить свой душевный груз, становящийся с каждым шагом непосильной ношей. Он ждал призрака, но настигло его кое-что похуже.

Видения прошлой ночи вновь ударили ему в голову, человек вспомнил что-то, чего не видел и не слышал, но что происходило рядом с ним. Он вспомнил громкий медвежий рёв, увидел, как Амикум ринулся в его сторону, как волк подбирался всё ближе и ближе к косолапому хищнику, как они рычали друг на друга, предостерегая, и как неожиданно для каждого из них пришла Тьма. Освободившись от видения, приносящего страшную головную боль, путник пытался сконцентрироваться на настоящем, чтобы не потерять связь с реальностью. Пока человек пытался освободиться от видений, не понимая, что они значат, книга начала сиять слабым прерывистым светом, затем снова погасла, путник ничего и не заметил, но это о чём-то да говорило. Пройдя пять шагов вперёд, странник оглянулся через правое плечо, чтобы убедиться, что за ним не ведётся какое-либо преследование. Но не успел он развернуть голову вперёд, как вдруг увидел среди деревьев что-то, что не могло не привлечь его внимания. Справа от путника, в шагах пятнадцати, возвышалось небольшое каменное ущелье, уходящее вглубь земли, а на его «пороге» лежала огромная сильно изуродованная медвежья туша.

Человек стал осторожно приближаться к мёртвому животному, допуская возможность того, что тот окажется живым и, скорее всего, недружелюбным. Однако, подойдя на довольно близкое расстояние, путник более не волновался, что медведь каким-либо образом сможет ему навредить, ибо раны зверя говорили о неизбежности смерти. Он стал внимательно осматривать животное, чтобы полностью вникнуть в суть того, что здесь произошло, ведь даже если это тот медведь, с которым столкнулся Амикум, остаётся неясным то, каким образом схватка закончилась гибелью обеих сторон. Куски плоти размером с большой кулак вместе с шерстью были оторваны со спины медведя, не откусаны в ходе трапезы, а именно вырваны в бою мощными челюстями, коих, по памяти путника, не было у Амикума. Подобные ранения были и в области передних лап, которыми оборонялся зверь, но странник сразу понял, какое увечье именно было причиной моментальной кончины животного. У медведя была напрочь вырвана гортань, что могло указывать лишь о нападении зверя куда крупнее. Путник не думал, что здесь произошла именно медвежья драка, ему казалось, что сражение велось слишком грамотно со стороны противника косолапого хищника: зверя измотали, кровопотери привели к сильному ослаблению тела, что и могло позволить противнику вцепиться в глотку измотанного бедняги.

К тому же на снегу виднелись не только медвежьи следы и следы Амикума. Здесь был ещё один волк, судя по отпечаткам, он был огромного размера, больше медведя. Путник решил тщательнее осмотреть следы третьего участника кровавой сцены, он обнаружил, что каждый след этого зверя пропитан чёрной дымящейся серой. Недолго думая, странник вернулся к туше мёртвого животного и обнаружил, что его открытые ранения пропитаны «чёрным недугом», тем же ядом, что поразил кровь Амикума. Представив всю картину случившегося, человек пришёл к некому выводу. Оно ещё больше омрачило его настроение, а затем на его лице выразился настоящий ужас. Он произнёс:

– Не может быть! Господи, это же....

– Зачем ты сюда явился? – послышался ужасающий голос из-за спины странника. – Кто ты такой!?

Путник оцепенел в страхе, он слышал, как нечто приближается к нему, как снег скрипит и сразу как будто испаряется под лапами чудовища. Резко оборачиваться назад человек не стал, казалось, что он опасался даже видеть того, кто с ним говорит. Набравшись решимости, путник всё-таки развернулся, чтобы разглядеть своего мрачного собеседника, но когда он это сделал, то увидел, что никого нет, а звук чьих-то шагов затих вовсе. Человек стал опасаться, что всерьёз начал терять рассудок. Несколько мгновений времени путник потратил на то, чтобы что-то разглядеть в пространстве между мрачными деревьями, которое было пронизано темнотой. Уверенность в собственном помешательстве у странника становилась всё сильнее, пока вновь эхом не послышался этот страшный голос:

– Что это у тебя? Что у тебя в сумке!?! Эта вещь оскверняет мой покой, оскверняет мою сущность!!!

Голос разносился по всей округе, путнику было тяжело понять, откуда доносится звук. После слов «демонического» создания и нескольких минут необычайной тишины раздался жуткий, громкий, пронзительный рык. Зверя явно взбесило молчание человека, а тот, в свою очередь, испуганно отреагировал на это, начал смотреть из стороны в сторону, пока не взглянул на мёртвого медведя, туша которого лежала в полушаге от него. Кровь мёртвого животного загустела чёрной краской, это дало человеку понять, что его собеседник гораздо ближе, чем ему казалось. Вновь подул сильный ветер, словно он появился по команде чудища, местами он был настолько силен, что у ближайших деревьев начали отлетать кора и ветви. В одном месте дерево и вовсе рухнуло, этот звук напугал путника, странник обернулся в том направлении, откуда он донёсся, полагая, что именно там и стоит зверь, что не ветер снёс дерево. Ничего не заметив, человек решил вновь взглянуть на мёртвого медведя, и в этот момент он оцепенел в ужасе, ибо тот, кого он искал, стоял прямо перед ним.

Пред странником предстал громадный чёрный волк. С кроваво-красными глазами, с белыми, как лунный месяц в крошечной тьме, зубами и клыками, с насыщенными тёмной серой когтями – был этот зверь. Волк казался очень большого размера, это также объяснялось и тем, что зверь возвышался над путником, стоя передними лапами на туше мёртвого медведя, полностью он на нём не мог стоять, ибо волк был, как оказалось, чуть ли ни в два раза больше. Зверь опустил свою морду, чтобы получше рассмотреть путника, и в этот миг человек увидел, как сильно сказалась на его облике их первая встреча у Лунной поляны. Шерсть была местами опалена, словно его либо колотили горящим факелом, либо ударило само солнце. Рядом со зверем заметно сгущалось чёрное облако, исходившее от него самого, этот поток тёмной энергии был направлен на восстановление внешнего вида Чёрного волка, он насыщал его тело, а заодно и всю округу, отчего всё погибало и чернело в цвете. Всё это напоминало путнику действие его книги, разве что здесь был причастен не свет, а нечто совершенно иное, тьма. Странник стоял в ужасающем оцепенении всё время, пока глядел на Чёрного волка, и вот зверь вновь заговорил уже более спокойным голосом, но он не казался от этого добрее и дальше оставался таким же мрачным и душераздирающим:

– Хм... Человек, ты всего лишь человек. Ты не представляешь из себя ничего особенного, страшного или ценного, как и все остальные твои сородичи. Но рядом с тобой всё же присутствует сила, отпечаток огромной энергии. Я давно не чувствовал присутствие какой-либо магии в этих местах, кроме своей собственной. А ты взял и принёс с собой нечто особенное, но при этом порицающее моё естество! Я хочу знать, что это? Кто ты? И зачем ты здесь!?

– Отвечай!! – прорычал волк, заметив, что путник ещё не пришёл в себя от ужаса.

Прилагая немалые усилия по преодолению страха, человек неуверенно, но всё-таки решил дать ответ:

– Я... моё имя – Ратибор. Я прибыл из далёких южных земель, где девять месяцев в году сияет солнце и цветёт сама земля, где ныне стало беспокойно из-за людских распрей, войн,

недостатка духовного единства в человеческой общине. Я прибыл сюда в поисках новой жизни, новой цели.

Зверь издал настораживающий рык, тем самым показывая, что всё сказанное путником не вызывает в нём какого-либо интереса.

– Ты пришёл сюда в поисках новой жизни, южанин? – спросил хищник.

– Ну, уж явно не забавы ради... – тихо, едва ли не шёпотом, ответил человек.

– Забудь об этом! Тебя здесь не ждёт новая жизнь, а лишь страшная смерть. Ты и сам это уже понимаешь... Деревня, к которой ты идёшь, ещё недолго будет существовать, – начал утверждать зверь.

Ратибор не стал возражать словам своего мрачного собеседника. Участь его попутчика, Амикума, подтолкнула путника к мысли, что всё сказанное Чёрным волком – истина. Страх человека сменился на печаль и смирение с судьбой, он уже не боялся смерти, а скорее ждал её в любой миг своего пребывания в этом лесу.

– Ничего нового я тебе не сказал: ты понял, что это за место, с самых первых мгновений, как ты ступил на тропу Волчьего Клыка. А теперь, скажи мне, Ратибор, что же всё это время придавало тебе силу и уверенность в преодолении столь тягостного пути? – спрашивал Чёрный волк, стремясь нужными вопросами выяснить важные для себя подробности путешествия человека.

Ратибор косо поглядел на свою сумку, висящую у него за поясом. Зверь заметил этот взгляд. Путник аккуратно взял и забросил сумку себе за спину. Вернувшись к вопросу зверя, он ответил:

– Сила человеческой воли и верность преданных друзей.

– Да... Занятная история странной дружбы волка и человека, что не присуще для окрестных мест. Твой «друг» встал у меня на пути, когда настоящая причина твоей уверенности прогнала меня с Лунной поляны. Кровь этого существа – на твоих руках! Ты обещал позаботиться о нём, и он доказал, что достоин претендовать на лучшую жизнь, а ты при этом сам подослал к нему смерть этой ночью, – начал было читать нотации огромный зверь.

– А у тебя довольно сильный, но при этом скверный характер, волчья морда. Я назвал тебе своё имя, а тебе, видимо, не хватает учтивости и чести назвать своё, – заявил человек, позабыв о страхе.

Красноглазый волк возмутился. Сразу после слов путника он издал громкий пронзительный рык, больше походивший на лвиный, нежели на волчий. Тьма, исходившая от него, начала сгущаться. Вдруг в округе поднялся сильный вой стаи хищников, она была рядом всё это время. По зову своего вожака стая стянулась к месту, где он находился, звери окружили Ратибора, стали ждать, настроены они были агрессивно, но страх перед хозяином сковывал их, не давал действовать. Странник понял, что из этой ситуации нет выхода, придётся принять смерть здесь.

– Моё имя – Вульфاران! Я – самый древний и ужаснейший кошмар этой земли. Я – самый ярый палач человеческого рода! Хватит с меня твоих уловок, человечиска, отдай эту зловредную книгу мне, и я подарю тебе быструю смерть! – потребовал Чёрный волк.

– Нет!!! – схватившись за котомку с книгой, воскликнул Ратибор.

Ситуация вышла за рамки беседы, перешла в открытый вызов, у путника не было шансов выжить после подобных слов. Вульфاران рассвирепел и следующим своим рыком дал стае понять, что можно атаковать. Кольцо врагов стянулось вокруг человека, и того охватило отчаяние. Ратибор поспешно достал драгоценный артефакт, открыл светящиеся страницы, возложил правую руку на одну из них, захлопнул книгу, оставляя ладонь внутри, и сказал:

– Мел Тар.¹

Книжные страницы воссияли, а длань путника загорелась ярким губительным огнём.

---

¹ «Явьсь, огонь!»

Ратибор кричал от боли, ибо пламя всё же прожигало его кожу. Путник начал отмахиваться горячей рукой от волков, но это их пугало гораздо меньше, чем их вожак, они продвигались всё ближе и ближе к жертве. Человек не знал, что ему делать.

– Земля... Коснись земли, не сдавайся! – неожиданно прозвучал красивый женский голос в голове у Ратибора.

Человек не понимал, что это означало, но надежда всё же вернулась в его отягощённое страхом сердце. Он издал пронзительный крик и, склонившись, ударил ладонью по земляной тверди, на которой стоял. Огонь распространился по земле и вспыхнул оберегом вокруг него. Волки испугались, некоторые были опалены огнём и убежали в лес, но большинство осталось и собралось вокруг огненного круга, опасаясь преступать его. Ратибор воспрял и духом, и телом, грозно посмотрел волчьему вожаку прямо в глаза. Подобная наглость взбесила Вульфарана. Он спрыгнул с одного из высоких камней ущелья, с которого следил за всем происходящим, и стал приближаться к огненному кольцу, который по мере приближения волка стал угасать под влиянием сгущающейся темноты.

– Всё! Это конец пути! – заявил волк, движимый яростью.

– Смерть – это далеко не конец, – ответил путник тихим голосом.

Ратибор закрыл глаза, прижал к своей груди книгу, склонил голову, стал ждать конца этой ужасной встречи. С жутким рёвом Чёрный волк подбежал к огненному кругу, который уже почти погас и, совершив прыжок, оказался прямо над головой странника, с вытянутыми вперёд чёрными когтями и острыми клыками. Человек совершил последний вздох в знак готовности встретить свою судьбу, но она оказалась иной, чем он предполагал.

В тот миг, когда должна была прийти смерть, пришла жизнь. Вульфаран уже предвкушал вкус живой человеческой плоти, однако не успел хищник настигнуть добычу, как вдруг сам стал мишенью для охоты. В это роковое мгновение на Чёрного волка прямо в полёте наскочил другой, Светлый волк, который появился прямо из-за спины путника. Сам Ратибор рухнул на землю и долгое время не мог понять, что происходит. В это время Светлый зверь смог отбросить Вульфарана назад, к низинному ущелью, и принялся разгонять всю волчью стаю. Хищники то разбежались, то снова собирались, они боялись невиданного ранее существа, однако помнили о своём вожаке, и это придавало им смелости сражаться с неизвестным врагом.

Вульфаран вернулся, и закипел жесточайший бой. Светлому зверю приходилось разрываться между волками и их вожаком, путём чудовищных усилий удалось полностью разогнать стаю хищников. Состоялось сражение один на один. Чёрный волк местами терпел серьёзные удары когтей и клыков противника, но сам отвечал втрое сильнее. Долгое время не было понятно, кто победит, пока Вульфаран не ухватил врага за горло своими более мощными челюстями и не швырнул в сторону путника. Чёрный волк решил нанести окончательный удар, повторив попытку напасть на человека, но в тот момент, когда он подошёл довольно близко, Ратибор раскрыл страницы Светоносной книги прямо перед его глазами. Они ослепили Вульфарана и дали возможность Ратибору и Светлому волку собраться с силами.

– Хватайся за меня и держись крепко! – промолвил Светлый волк, обращаясь к путнику.

Голос этого животного был полной противоположностью голосу Красноглазого чудища, он был прекрасен, сам по себе светел и внушал доверие. Путник ухватился за густую шерсть светлого создания, и тот поспешно унёс Ратибора прочь из этого мрачного места. Как только Вульфаран пришёл в себя, он ринулся за ними и стал нагонять.

Он настиг их у самого выхода из Мрачного леса. Проскочив над головами своих врагов, Чёрный волк перегородил им путь наружу.

– Тебе не уйти отсюда живым, Ратибор, я не позволю такому, как ты, ходить по этой земле и дальше осквернять всё то, что принадлежит мне! Ты умрёшь здесь! – пригрозил монстр.

– Даже если и так, сегодняшней день я всё же переживу, а как жить надоест, то тотчас дам тебе знать! – ответил Ратибор, подбадривая себя и своего спасителя.

Неожиданно для Вульфара́на Светлый волк разогнался с очень большой скоростью и попросту сбил своего противника с дороги. Путь к деревне Волох был открыт для человека, а Чёрному волку только и оставалось смотреть ему вслед. Удивительно, но он не выразил злобы по поводу поражения, а наоборот, улыбнулся дьявольской улыбкой, и гордо выпрямившись, смотрел в сторону людского поселения.

– Бедный... бедный Ратибор, на этом твои настоящие проблемы только начинаются, час нашей новой встречи придёт куда скорее, чем тебе может показаться. Знал бы ты, что в этих местах – я есть повсюду! – сказал Вульфара́н прежде, чем вновь растворился в темноте Мрачного леса.

Глава 3

Ветер грядущих тревог

Наступила пора спокойствия для Ратибора, ибо настрашнейшая часть его пути оказалась позади. Он мчался вперёд, к деревне Волох, верхом на огромном светоносном волке, при этом пытаясь пережить ужас прошедших часов. Солнце начало склоняться к закату, и это было странно, ведь путник не так давно наблюдал рассвет. Что-то повлияло на время и окружающий Ратибора мир, то могли быть сила Чёрного или Белого волка, власть светоносной книги или Мрачного леса – а возможно, что и всё это вместе.

Человек решил познакомиться со своим спасителем, прежде чем решиться продолжить путь вместе с ним. В течение долгого времени волк просто мчался в сторону деревни Волох, расстояние до которой в действительности было больше, чем казалось путнику при взгляде с высокого заснеженного холма. Белый зверь передвигался довольно быстро, ведь оставшаяся дорога к поселению была в форме равнины, и ничто не могло послужить преградой для движения на большой скорости. Ратибор крепче прижался к волку, чтобы не упасть на полном ходу, затем, надёжно держась за шерсть животного, попытался всмотреться в лицо «нового друга». В глаза путнику дул нещадный ледяной ветер, он бросил попытку открыто посмотреть на своего спасителя после того, как понял, что ему следует приложить все свои усилия, чтобы не упасть со спины чудо-животного.

Так что страннику пришлось судить о своём новом друге по его затылку. Ратибор проводил руками вдоль шеи волка, пытаясь подобрать подходящую хватку для рук, чтобы выстоять под напором воздуха и «скоростной качки». Рядом с шеей, на левом боку животного путник обнаружил кровавый след, который, по памяти Ратибора, не был оставлен Чёрным волком, но который был знаком ему ещё и до ужасной встречи с Вульфارانом у тела умершего медведя.

Странника охватило некое недоумение, но вскоре картина стала прорисовываться, и в тот момент, когда путник почти достиг понимания того, что из себя представляет Белый волк, шерсть животного вдруг начала терять вид белоснежного сияния, затем она и вовсе стала менять свой окрас. Волк по-прежнему мчался вперёд, но теперь он передвигался довольно странно, как будто бы под воздействием некоего дурмана, что вынуждало его делать лишние манёвры налево и направо. Зверь словно опьянел, стал покачиваться и вскоре рухнул на полном ходу в близлежащий сугроб, утянув путника вслед за собой в глубокий снег.

Никто не пострадал, падение не причинило какого-либо вреда человеку. Но пока Ратибор явно не торопился подняться, с волком происходило что-то странное. Тот после падения ёрзал и метался по земле, как одержимое бесами животное, казалось, что зверь претерпевает какую-то боль или некое изменение. Его шерсть пульсировала белым светом, который становился всё слабее и слабее, волк даже стал меняться в размерах – становился меньше. Магическая сила, сосредоточенная в нём, начала развеиваться, мех изменил цвет с белого на серый, в его глазах больше не горел мистический синий огонь. В итоге зверь съёжился до обычных размеров своих сородичей, а его магическая сила стала исчезать. Теперь это был вполне обычный серый волк снаружи, но явно чем-то необыкновенный внутри.

Путник медленно выбирался из-под глубокого слоя снега, завалившего его с ног до головы на расстояние целого локтя вглубь. Едва показалась голова Ратибора из сугроба, как сразу стало слышаться его ворчание:

– Два месяца... два месяца я добирался до этого Богом забытого места! Приходилось преодолевать самые разные тяготы странствующей жизни: усталость, голод, жажду, отчаяние, холод, порицание общества и различные болезни. Проблемы возникали и решались самым что ни на то есть спокойным образом. Но только здесь, на этом ледяном лесистом просторе, я успел

за два дня получить страшное ранение ноги, измотать себя до потери сознания, подраться со свирепыми животными, подпалить себе руку, испытать жуткий страх и вдобавок полностью провалиться в снежный сугроб с головой – да это не жизнь, а какое-то мучение. Эх, поскорее бы встретить хоть одного разумного человека в этом диком краю. Удивительно, как здесь вообще могут жить люди бок о бок с таким когтистым ужасом на пороге!?

За то время, пока человек говорил сам с собой, волк успел полностью оправиться от своего волшебного перевоплощения и уже стоял твёрдо на лапах, пребывая в некоем игривом настроении. Как оказалось, у такого поведения всё же была причина. Зверь подошёл к Ратибору со спины и стал ждать, пока тот обратит на него внимание. Путник смог освободить своё тело от снежного плена по пояс, а дальше, глубоко вздыхая, призадумывался, как дальше быть.

– Ну что ж, как ни крути, а сегодня я всё же планирую погреться у какого-нибудь костра. А если меня кто вздумает гнать прочь, то пусть знает, что я сейчас в таком состоянии, когда меня лучше обходить стороной на тысячу шагов. Ну, где ты там, могучий зверь? Дай-ка на тебя взглянуть – поговорить о крайне важном деле нужно, – при обращении стал разворачиваться лицом Ратибор к животному, но тут вдруг на нём явственно выразилось изумление, – Ух... как такое может быть... как такое возможно!? Амикум, это ты!?

В этот момент Ратибора поразило необычайное, сильное, приятное удивление, а волк, будто искренне приветствуя путника, издавал радостные звуки, походящие на негромкий собачий лай, при этом весело подпрыгивая на передних лапах. Странник в порыве радости сказал:

– Ха-ха, это ты, мой мохнатый друг! Клянусь своей подгоревшей рукой, это действительно ты!! Ха-ха-ха! Чудесно, иного слова не подобрать, чудесно!

Ратибор крепко обнял Амикума, плотно прижал к себе, его переполняли светлые эмоции, ведь он был искренне рад, что ему удалось обрести надёжного и верного спутника в этом опасном краю. Путник долго не отпускал волка, будто бы боялся, что ему всё чудится, что вот он ослабит хватку и вновь потеряет единственного друга. Амикум не отстранялся, опустив голову на плечо Ратибора, он и сам начинал дорожить каждой секундой этого торжественного момента. Это уже не был обычный серый волк, встреча с человеком изменила его, великая Светоносная книга вдохнула в него сознание, да такое развитое, какое лишь выдающимся мудрецам и философам людским было дано свыше. Странник, собравшись с мыслями, спросил у него:

– Что же там такого с тобой приключилось? Ты стал сосредоточением великой силы, которая не просто спасла меня от жуткой смерти, но и дала отпор столь страшному врагу, как Вульфاران. Да... я запомнил его имя, сомневаюсь, что уже когда-нибудь смогу забыть. Ты не уступал ему в силе и душевном рвении, выручил меня, я у тебя в вечном долгу за это. Так что же это было?

На вопрос путника Амикум ответил ясным взглядом на котомку, висящую у человека на плече, откуда виднелся золотистый свет волшебной книги. Ратибор понял намёк, начал придерживать правой опалённой рукой котомку, а левую возложил волку на голову, намереваясь сказать следующее:

– Но самое-то главное ты обрёл: пробудил целебную веру своей души, что внутри тебя. Тебе, мой друг, удалось найти силы для борьбы с настоящим злом, удалось понять, за что следует сражаться в этой жизни, а всё, что тебе дала книга – возможность доказать свою веру на деле. Истинный свет добродетели исходит не из куска бумаги, пусть и золотого, нет, а из тебя самого.

Человек поднялся на ноги, гордо выпрямился, свободно и глубоко вдохнул свежий воздух в свои загустевшие от тёмной серы лёгкие и пошёл неспешным шагом в сторону деревни, которая была ясно видна на горизонте. Выйдя на менее заснеженную часть дороги, путник развернулся и спросил:

– Ты идёшь, друг мой мохнатый?

Амикум вскочил с места и побежал впереди Ратибора, постоянно посматривая на него, чтобы вновь не потерять из виду.

– Только смотри сам не потеряйся, а то из меня дурной следопыт! Хе-хе, – сказал странник в приподнятом настроении вдогонку волку, – Эх, и снова путь-дорога.

Стало вечереть, на небе стал возвышаться бледный полумесяц, свет которого озарил всю округу перед глазами путника, подул холодный, но при этом слабо ощутимый ветерок. Путь, по которому шли Амикум и Ратибор, был концом дороги, звавшейся Волчий Клык. До деревни было рукой подать, но тут странник призадумался о том, как примут деревенские жители человека, чей спутник – могучий серый волк: могут обвинить в колдовстве, начать шептаться между собой, мыслить недоброе, если только не хуже дело будет обстоять. Конец пути сопровождался равнинными склонами, одинокими чёрными деревьями и огромными, местами покрытыми мхом камнями. Земля устремлялась вниз, деревня Волох располагалась в самой низине, чувствовалось, что она является сердцем этого мрачного владения, чьи границы определялись обширностью того лесного массива, что окружал поселение и был пронизан тропами, сливающимися в единую, «волчью» сеть. Вокруг самого Мрачного леса на многие вёрсты распростирались снежная пустошь.

Шли два товарища по выбранному ими пути без страха в сердце, они были готовы ко всему, что могла преподнести им судьба. И вот дошли они до некоего странного дома, высеченного внутри старого громадного дуба и расположенного в шестистах шагах от самой деревни. Ратибор уже не удивлялся таким вещам, ибо за время своего странствия ему довелось многое увидеть, куда более чудное, чем это. Амикум начал активно осматривать окрестности этого необычного сооружения, зверю было как то не по себе, ведь так близко к поселению ему подходить не доводилось раньше. Единственным, что могло говорить о том, что этот дом заселён людьми, был недавно зажжённый светильник у входа в жилище. Ратибор поднялся по старым скрипучим ступеням к украшенной старой резьбой двери, на ней было высечено изображение полного месяца, в который буквально вонзались ветви молодых цветущих деревьев. А внутри этого рисунка луны располагался гордо выпрямившийся чёрный волк с красными глазами, рядом с ним всё как будто гнило, увядало. Ратибора напугало это изображение, он начал опасаться, что здесь проживают какие-то приверженцы особого культа, почитающего Вульфара как бога. Путнику всё никак не хватало уверенности постучать в дверь, но когда всё же появилась решимость, и Ратибор уже было коснулся дверцы, как вдруг завыл Амикум, тем самым подзывая человека к себе. Волк нашёл что-то такое, на что следовало бы обратить внимание прежде, чем начать знакомство с местными жителями.

Путник не спеша вновь прошёлся по скрипучим ступеням, ему словно становилось легче по мере того, как он отдалялся от загадочной двери. Амикум нашёл что-то интересное, находящееся прямо за домом, и вот уже дождался человека прямо за поворотом. Ратибор не торопился, прошедший денёк как-никак, а всё же изнурил его. Он отошёл на значительное расстояние от входа в странное жилище, как вдруг раздался скрип со стороны двери. Ратибор повернулся, всмотрелся, но ничего особенного не заметил. Человек пошёл дальше на зов волка, его стало подводить зрение из-за усталости, в противном случае он бы заметил, что ручка загадочной двери опустилась. Атмосфера становилась зловещей, и в сердце путника снова стал возвращаться страх, вызванный некой жуткой картиной окружающего его места. Вновь ощущалось дуновение ветра, которое в этот раз стало звучать словно стон, то ли природы, то ли некой измученной души. Вскоре Ратибор понял, к чему судьба стала его подготавливать, ведь находкой Амикума оказалась огромная, вырытая на десятки локтей в глубину заснеженная яма.

Волк стоял у самого края этой пропасти, вглядывался в самую её бездну, путник поравнялся с ним, и в одно мгновение у него словно перехватило дыхание. Земля у него под ногами была влажной, пропитанная чем-то из самой глубины ямы. Ратибор достал пустой кусок пер-

гамента, провёл по нему указательным пальцем, произнёс слова на непонятном языке и бросил ярко загоревшийся кусок бумаги в пропасть. Свет озарил её целиком, от самого низа до самого верха, увиденное повергло человека в ужас, отвращение. Он уверенным нарастающим голосом говорил себе и заодно Амикуму:

– Это захоронение... массовое захоронение! Амикум, пойдём поскорее к деревне, нужно срочно выяснить, что здесь происходит. Как я вижу, многие тела свежие, а значит смерть здесь не такой уж редкий гость. Пойдём же!

– Я бы не стал так спешить в Волох, – слышался старческий голос из-за спины путника. – Позднее время для прогулки, тебе, сынок, так не кажется?

Ратибор развернулся и увидел перед собой горбатого невысокого старика с обросшей бородой, одетого в старинные изношенные лохмотья. Его глаза казались безумными, жутко жаждущими чего-то, руки же были грубыми, изнурённые тяжёлой крестьянской работой, виделись длинные острые ногти, будто старик специально их подтачивал для какого-то дела. Не дожидаясь ещё каких-либо сюрпризов, странник спросил:

– Кто ты такой? Чем ты здесь занимаешься? Почему просишь не идти в деревню? Как твоё имя?

Старик долго не отвечал, Амикум стал на него рычать, воспринимая того уже как возможную угрозу. Чем дольше стояла тишина, тем агрессивнее становился волк, а Ратибор с особой готовностью к какому-либо действию дожидался ответа на свой вопрос. Старик лицом своим выражал заторможенность, сделал вид, будто бы не понял, что путник от него хочет. Слабым старческим голосом промолвил:

– Сынок, давай в дом пройдем – поговорим, и собаку можешь свою взять, если хочешь. Мне-то, понимаешь, тяжело вести разговоры на улице при таком морозе.

А ведь правда – налетела вьюга, предвещающая бурю страшнее той, что «гналась» за Ратибором до Мрачного леса. Путник с большей уверенностью повторил свой вопрос, не желая следовать за незнакомцем непонятно куда. Старик, опасаясь бури, ахнул и ответил на вопрос Ратибора:

– Моё имя – Лунбрис, я здешний могильщик: провожу обряды погребения, воздаяния посмертных почестей, по крайней мере – так раньше было, до времён вождя Зидхана. Из-за него-то я тебя прошу повременить с приходом в деревню Волох, нелёгкие времена нынче на славянской земле. Теперь-то мы можем укрыться от холода и поговорить за кружкой горячего травяного отвара в тепле и уюте?

Переглянувшись со своим попутчиком волком, Ратибор ответил, принимая во внимание приближающуюся непогоду:

– Веди, гостеприимный старче. Сегодня мы уже никуда не пойдём.

И вот Ратибор с Амикумом перешли границу странного, вырезанного прямо в дубе жилища причудливого старика. Внутри, казалось, было темно, однако стоило путнику и его четвероногому другу ступить за порог, как постепенно дом стал заполняться витающими прямо в воздухе белыми огоньками, которые, сливаясь воедино, становились ярче и устремлялись вверх, возвышаясь прямо над людскими головами. Чудо-дом снаружи казался весьма необычным сооружением, однако и внутри него всё было непросто. Отсутствовала какая-либо мебель, а всё, что на неё походило, было высеченным прямо в дубе произведением искусства. Особого простора не было, в Дубовом доме существовали две небольшие комнаты, в одной из которых крылся ещё и небольшой проход в подвал, куда умещались исключительно лишь предметы рабочей необходимости – лопаты, вилы, кирки и многое другое. Пространство, в которое Ратибор и Амикум попали при входе в жилище старца, считалось прихожей в Дубовом доме, являвшейся ещё и небольшим коридором, соединяющим две небольшие комнаты. Устремившиеся вверх огоньки в какой-то мере казались живыми, ибо они повсюду следовали за обитателями жилища, словно их привлекало всё, что могло двигаться. Они служили источ-

ником обогрева дома, являлись причиной не только тепла, но и уюта в нём. «Стены» сооружения, особенно ближе к потолку, были покрыты светло-зелёным мхом, хотя по большей части всё вокруг было чисто из древесной коры: пол, сами стены, «столы» и «полки».

В прихожей были размещены вещи, за которые человек брался перед самым выходом наружу: посох, шерстяные и кожаные одежды, зимние лапти по несколько пар про запас и многое другое. Путник находился под впечатлением и в этот раз не смог сдержать своего удивления.

– Ну и чудо. Ничего такого моим глазам явно не доводилось видеть. Это выглядит весьма необычно, я бы сказал – сказочно! Интересно, кто же построил этот дом и придал ему столь волшебные черты?

– На этот вопрос ты вряд ли найдёшь ответ, дорогой гость. Мне неизвестно, сколько уже существует это сооружение, однако, насколько я могу судить, ему уж точно девять, а то и десять веков. Не думаю, что тебе удастся застать в живых первого жильца этого места и получить ответ на то, как здесь всё устроено и зачем, – говорил старик, попутно ведя гостя в просторное помещение.

В доме не было дверей, всё скорее походило на небольшую цепочку тоннелей внутри громадного дуба. Исключением была лишь входная дверь, изукрашенная красивой резьбой и рисунками, которая Ратибору казалась недобрым знаком, ибо всё, что напоминало ему о Вульффаране, могло вызвать страх и даже панику. Эта дверь не стояла в этом доме с самого начала и явно появилась после прихода Чёрного волка в эти земли. Уют присутствовал в жилище Лунебриса, в этом основная заслуга волшебного тепла белых огоньков и усилий старика, направленных на достижение необычного комфорта, как для человека, так и для любого другого живого существа. В каждой комнате было по одному «окну» в виде вырезанного отверстия в коре дерева, эта часть работы по созданию жилища была выполнена небрежно и без какой-либо логики, будто окна и не планировались в Дубовом доме изначально. Таким образом, в столь интересном месте было три основных помещения: гостиная, «комната» Лунебриса, где так же таился вход в подвал, и прихожая, во многом напоминающая именно по этой мрачной двери с изображением Вульффарана – и все они между собой соединены небольшой цепью коридоров, кои были во многом непримечательны, пока светили огоньки.

Лунебрис провёл гостей в просторный зал с низким круглым столом посередине, выпиравшим из пола, будто пень, но всё же высеченный гладко, с наибольшими удобствами для всех тех, кто за него садится, и единственным окном, расположенным на большой высоте. Через него днём проникали солнечные лучи, а ночью – лунное сияние. Оконное отверстие было сделано так, чтобы весь свет извне падал именно на круглый древесный стол в середине зала, что носило определённую символику. Вокруг «пенька» находилось несколько одинаковых древесных изгибов прямо в полу, на которые Лунебрис постелил по несколько лоскутов ткани – видимо, они предназначены для того, чтобы на них и умещались жильцы и гости.

– Проходи, дорогой гость, размещайся поудобнее в этом зале. А я пока что приготовлю горячего сладостного отвара из причудливых трав, которые этим вечером придадут твоему телу чувство полного внутреннего покоя и некой лёгкости на душе. Весьма важно, чтобы твой разум сейчас обрёл ясность, ибо, как вижу, тебе есть что рассказать необычного, – сказал Лунебрис в преддверии гостевого помещения путнику и пошёл дальше по коридору.

Амикум первым чуть ли не забежал в этот зал. Зверь на удивление ощущал особый уют в этом доме, хотя чуть раньше он с особой опаской относился к каждому незнакомому месту, к каждому непонятному шороху. Видимо, для полного спокойствия Амикуму сегодня не хватало именно малой доли тепла и удобства. К тому же и волку, и человеку сегодняшней день дался отнюдь не просто, в состоянии полной усталости тяжело размышлять о важных вещах.

Едва Ратибор и Амикум зашли в зал приёмов, два ярких огонька, парящих над их головами, слились воедино, загорелись ещё ярче, их тепло и исходящий от них свет можно было

сравнить с ярко горящим костром. Огонь устремился в центр круглого стола и стал парить над ним на расстоянии в половину человеческого роста. Ратибору не терпелось присесть – весь день был то на ногах, то верхом на хищнике, то по самую макушку в снегу. Путник присел в одну из «ямок», покрытых различными лоскутами толстой ткани, перед круглым столом. Человек расслабился и, глядя в огонь, стал раздумывать о месте грядущего ночлега, предполагая, что вряд ли этим вечером сможет покинуть стены сего жилища из-за бури и сильной усталости.

Путник внезапно, по непонятной причине, вспомнил о книге, лежащей в котомке рядом с ним. Он вытащил её и обратил внимание на то, что белый огонь в центре круглого стола начал странно на неё реагировать, постоянно то вспыхивая, то затухая. Книга в данный момент ничем особо не выделялась, исключением была лишь одна страница, которая под влиянием вспыхивающего бледного огня стала пульсировать сильной светлой энергией, она будто бы упрашивала Ратибора открыть её именно в этом месте.

На дворе слышался вой волчьей стаи, засвистел ветер, врываясь внутрь дома через окна и древесные отверстия в стенах, но путник не придал им никакого значения, в нём заиграло сильное волнение и необычайный интерес.

Амикум в это время располагался в уютном тихом уголке зала – пытался заснуть, но когда начал подниматься вой и бушевать огонь, волк насторожился и с подозрением стал обращать взгляд на всё, что способно издавать звуки, либо осмеливается двигаться. Ратибор был тем единственным существом в округе, на чьи движения зверь не реагировал никоим образом.

Под напором ветра начали трястись и опрокидываться предметы обычного дневного обихода: падали с полок кувшины и деревянные тарелки, опрокинулось ведро с водой недалеко от круглого стола, в прихожей со стен попадали меха и кожаные одежды, задрожала даже древесная кора в самых разных частях Дубового дома.

Но вся суета тотчас прекратилась, как только путник открыл нужную ему страницу Светоносной книги. Ветер затих, а белый огонь в центре круглого стола резко сменил бледный свет на золотистый, солнечный. Помещение подстроилось под «каприз» мистической силы, воцарившейся, по меньшей мере, именно в приёмном зале. Установилось спокойствие, путнику и его товарищу волку ничего теперь не угрожало, а значит, можно было отдохнуть, однако Ратибор не мог обуздать своё любопытство и стал с особым усердием глядеть на открытые им страницы в поисках чего-нибудь особенного.

Долго путник смотрел на голые золотистые листы бумаги, тщетно пытаясь разглядеть нечто необычное в них – невиданное доселе. Человек приуныл и захотел закрыть книгу, как вдруг начало происходить нечто весьма интересное.

Путник обратил внимание на то, что страницы начинали светиться по мере своего приближения к огню. Тот, в свою очередь, вспыхивал всё ярче, едва книга попадала в пределы стола. Ратибор знал, что обычный огонь для такого артефакта, как эта книга – не страшен, об этом говорили его жизненный опыт и внутренняя интуиция. Недолго думая, он всё же решил свести вместе два необычных магических явления. Ратибор положил книгу в раскрытом виде чуть ли не вплотную к вновь заполыхавшему белому пламени. И тут начало происходить кое-что действительно необычное.

Огонь на мгновение затух, а когда вновь вспыхнул, от него полетели небольшие горящие искры, приземляющиеся прямо на сияющие книжные страницы. Искр было много, и тут Ратибор забеспокоился, опасаясь, что, возможно, он совершил страшную ошибку, ведь человек не был уверен в том, что подобный огонь попросту «не пожрёт» предмет. Волнение стало пропадать, когда путник увидел, что каждая «прилетевшая» искра, коснувшаяся страниц, образовывала на ней определённую букву, сияющую бледным лунным светом. Вскоре появился текст, заполнивший обе страницы на неизвестном человечеству языке. Это было наречие, которому Ратибор дал название Межзорадский язык, ибо, в понимании путника, он происходил из другого мира, расположенного между Раем, Адом и Землёй.

– Ундэ зир Лонерс харлок. Аран дун, тес рок,² – прочитал Ратибор вслух.

То был лишь заголовок большого текста, но возможность продолжить чтение исчезла для человека, ведь после произнесения вслух первых упомянутых в тексте слов лунные буквы резко воссияли и произошла сильная вспышка белого света. Ратибор был ослеплён на несколько мгновений, а когда его зрение всё же восстановилось, он заметил, что всё вокруг переменялось.

Он вдруг оказался рядом с выходом из того же Дубового дома, но там не было ничего похожего на предметы человеческого обихода, то был пустой коридор. Его стены были пронизаны извивающимися зелёными линиями, которые насыщала некая энергия того же цвета, будто бы природный дух наполнял этот дом. Сами стены были светлее, чем помнилось Ратибору. Он обернулся, но в этот раз не увидел той самой зловещей двери, на её месте стоял необычный проходной механизм. То были особого рода врата, которые открывались и закрывались без какой-либо помощи со стороны, на них было изображено ярко горящее солнце, окружённое цветущей зеленью. На самом рисунке, выгравированном из чистого золота, располагались солнечные часы, работу которых нельзя было понять, находясь по эту сторону прохода.

Ратибор внимательно стал рассматривать себя самого и понял, что он есть нечто астральное, призрачное, ибо заметил, что к вещам он не в силах был прикоснуться и не в состоянии был прочувствовать своим телом ту атмосферу, что была вокруг него. Путник не ощущал ни тепла, ни самой земли под ногами, и от этого его любопытство стало ещё сильнее разгораться. Он собрался с духом и буквально прошёл сквозь врата на другую сторону. Ратибор был поражён тем, что увидел снаружи.

Вокруг ходили, играли, резвились, общались, ремёслами разными занимались и утехам предавались, иными словами, жили невиданные ранее путником существа, целый народ, во многом походящий на людей своей культурой, но не своим обликом.

Это был лисий народ, ростом своим больше человека, во многом его превзошедший со стороны жизненных устоев. Они, как и люди, ходили на задних лапах. Внешнее сходство с человеком им придавала форма скелета груди и передних конечностей, а всё остальное было сродни привычным для людей лисам. Густой гладкий мех, длинные пушистые хвосты, в значительной мере ухоженные и являющиеся личной гордостью любого представителя этой необычной расы, как пышная грива для льва. Народ этот был разумен и обладал особой культурой, выраженной в существовании уникального разговорного языка и стиля одежды, на которой символично изображалось солнце.

Ратибор принялся расхаживать по низменной равнине, на которой стоял Дубовый дом, далеко уходить не стал, опасаясь потерять дорогу назад. Путник проходил по ближайшим окрестностям и пристально наблюдал за лисьим народом.

Лисы разговаривали именно на так называемом межзородском языке, Ратибор его знал лишь поверхностно, поэтому усвоить для себя истину об их мировоззрении и обычаях он не мог. Народ был чрезмерно активным, мало кто из них мог подолгу стоять на одном месте, молодые то резвились, то охотились. Они были по большей части «голыми», ибо считали, что напыщенные густые наряды нужны лишь в зимние холода, а в остальное время – могли привести к ухудшенному развитию тела и духа. Одежда их замедляла и портила навыки для охоты и выживания, делала их уязвимыми для врагов. Круглый год носить «густые» одеяния дозволялось лишь старейшим из лисов, чья жизнь уже клонилась к закату. Путник заметил, что те из них, кому на вид было больше двадцати лет, носили оружие и необходимый защитный доспех, лёгкую позолоченную броню. В арсенале у них были в основном копья, мечи, ножи, луки и стрелы. Казалось, что здесь нет ничего необычного, однако гравировка мечей и их стальная прочность вызывали восхищение – оружие делалось искусными кузнецами. Помимо воинов, золотистые

---

² «Здесь встретил смерть народ Лонерсы. Тьма пришла, а Свет исчез».

одеяния носили главы отдельных семей и вожди целого племени. Особенность лисьего народа заключалась в том, что по их обычаю главой семьи обязательно должен был становиться мужчина, а во главе народа обязательно должна стоять женщина, которая воспринималась как мать племени и божественная жрица. В их вере почиталось, прежде всего, солнце, оно было символом жизни, добра и радости, а луна, наоборот – презиралась, ибо символизировала некое зло и коварство. Обращаясь к солнцу в своих ритуальных обрядах, лисы очень часто произносили одно имя – Лонерса. Видимо, это было названием их божества.

Ратибор понял, что пребывает в прошлом, и, вернувшись к Дубовому дому, начал думать, как бы ему вернуться в настоящее. Он шёл к воротам лисьего жилища, из которого он и вышел, но, не успев дойти до них, стал свидетелем судьбоносного момента, из-за которого всё в конечном итоге здесь и переменялось.

С самых разных концов лесных владений удивительного народа в небо стал устремляться зловеший чёрный дым. Вокруг поднялась страшная суета, лисы-солдаты начали в последовательном порядке трубить в рог, призывая своих соплеменников укрыться в своих домах. Сами воины были в недоумении от происходящего, но они чётко знали, что должны сделать в первую очередь – укрыть как можно больше представителей своего народа в безопасном месте до того, как грянет беда.

В то время, пока воины предпринимали меры по обороне, дым на небе становился всё гуще и гуще. Постепенно начал меркнуть весь голубой небосвод. Один из лисов, видимо, командир, стал выкрикивать следующие слова, обращённые к тем, кто бежал в свои дома:

– Удун! Удун! Нер вай дун ундэ! Аран зир эн иллас айр. Мар’сес, эн тард, одэ эн косес – эн харлок! Айнурэ’с!³

Воины обнажили мечи и организовали круговую оборону, ибо понимали, что враг не захочет пройти дальше, пока не перебьёт их всех. Лучники заняли позиции на деревьях. Чёрный дым полностью затянул небо, Ратибор внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг. В следующее мгновение он увидел нечто такое, что всерьёз напугало его. День сменился ночью, и прямо на глазах у путника солнце на горизонте померкло под влиянием чёрного дыма и превратилось в лунный полумесяц, большая часть которого была кровавого цвета. У Ратибора от внезапного ужаса стало чаще биться сердце, в округе поднялся бешеный волчий вой. Сей звук был настолько громким, что могло показаться, будто вот-вот это место накроет огромная волна волчьих орд, их рёв, словно раскат грома, пронёсся по окрестностям, предвещая бурю. Едва тьма затянула небосвод, как вдруг она устремилась с неба на землю. Огромный сгусток темноты буквально врезался в стойкую земную твердь недалеко от отряда лисьих воинов, готовящихся к бою. От этого поднялся густой серый туман, за которым последовало полное затишье.

– Одэ... одэ!⁴ – постоянно проговаривал командир вслух. Врагов ещё не было видно, но все воины уже были подвергнуты испытанию на стойкость, затронуты чувством страха, который подобно болезни распространился по воздуху вместе с туманом. К счастью, ни один лисий боец не дрогнул и не сдал свою позицию, они точно знали – какова цена истинной свободы и что предвещает поражение.

Тишина стояла довольно долго, но ни одному лису не пришла в голову мысль, что опасность миновала, это, наоборот, говорило об ещё большей угрозе, исходящей от врага. Командир стоял в центре круговой обороны, его органы чувств обострились, он стал обращать внимание на всё, что двигалось за пределами круга, что могло издавать какой-либо звук, трепетно относился к каждому шороху, к каждому дуновению ветра. Командир как будто мог следить

---

³ «Бегите! Бегите! Великий враг идёт сюда! Тьма губит наше прекрасное небо. Воины, ваш долг – защитить свой народ, свои семьи! Во что бы то ни стало, сбережём наш мир от скверны!».

⁴ «Защищать... защищать».

даже за дыханием каждого из своих бойцов, ведь по нему многое можно было определить, что чувствует воин в данный момент: спокойствие, страх, усталость, сонливость, робость, уверенность или умиротворённость.

Повеял влажный ветер, но даже громкий шелест густой листвы не смог укрыть от слуха командира нужный звук, момент для начала сражения. Он резко и неожиданно для своих же соплеменников достал топор из-за поясицы и швырнул его прямым в самую густую часть тумана. В тот же момент послышался звон тетивы, исходившей из того же места, донёсся хруст разломанной на части стрелы, а затем раздался зверский болезненный крик, за которым последовал звук падения мёртвого тела.

Туман развеялся в той части леса, где прятался вражеский лазутчик, его труп был ясно виден всем воинам лисьего отряда. Командир не был рад тому, что ему досталась честь первым пустить кровь врагу на поле брани, ибо своего противника он знал хорошо, часто воевать приходилось с волчьим народом. Лис знал, что своим действием он выдал месторасположение своего отряда, ведь когда начнётся волчья «перекличка», то враг поймёт, где он уже успел понести потери. Всё случилось именно так, как и предполагал лисий командир – поднялся волчий вой, сопровождаемый грозными воплями тех вражеских воинов, которые уже успели понять, что произошло. Пока гневный ор ещё стоял, лисий командир склонил колени и выставил свой меч вперёд, опершись на него обеими руками и приложив его ко лбу.

Сплотились ряды воинов лесного народа, вперёд вышли бойцы с большими, но при этом лёгкими и прочными щитами. Лучники на деревьях возложили стрелы на тетивы, копейщики встали за щитоносцами, вооружёнными исключительно мечами, ибо им не следовало раскрывать положение щитов ни на мгновение, чего могло бы потребовать обращение с иным видом оружия. Задача первой оборонительной линии – сдерживать чудовищный натиск противника, пока остальным не удастся обратить вражеские силы в бегство или в небытие.

Командир встал, выпрямился, возложил правую ладонь на лезвие меча и полностью омыл клинок в своей крови.

– Лонерса, – произнёс он.

Меч засверкал и воспламенился ярким огнём.

– Туйрэ! Штор Вульфاران ундэ!⁵ – кричал командир своим солдатам.

Враг не заставил себя долго ждать. Орды волчьих солдат, вооружённые длинными чёрными мечами, огромными боевыми топорами и молотами, одетые в лёгкую, но при этом также прочную кожаную броню чёрного цвета, ринулись в бой напролом, невзирая на опасность со стороны лучников, прямо на позиции лисьих щитоносцев.

Волки были похожи на людей в равной степени, что и лисы. Однако они были куда более свирепы и превосходили их приблизительно в два раза по размеру, они были более искусными в обращении с тяжёлым оружием и бронёй.

Двуногие хищники налетели на своих врагов, словно огромная волна на каменистый берег. Лисы достойно держались, сдерживать натиск врага во многом удавалось благодаря оборонительным сооружениям, которые были выставлены на встречу. Щитоносцы стояли твёрдо, копейщики били точно, лучники не пустили ни единой стрелы зря. Подобный успех в защите придавал лисьему командиру большую уверенность, которая воодушевляла рядовых воинов. Первая атака была успешно отбита, но вторая волна не дала и минуты лисам на передышку.

Вперёд вышли тяжеловооружённые волчьи солдаты, по размеру значительно превосходившие даже своих соплеменников. Чтобы таких убить, потребуется свыше десяти стрелковых и ножевых тяжёлых ранений. Сопровождаемые сотнями рядовых озлобленных волков, эти великаны медленно, но верно продвигались к месту обороны лисьего народа. Вторая волна

---

⁵ «Стоять насмерть! Остановим Вульфарана здесь!»

противников уже знала, в чём заключаются слабости и преимущества армии лисов, ради этих сведений и были пожертвованы десятки волчьих жизней при первой атаке.

Лучники по-прежнему стреляли метко и точно, однако большинству из них не удавалось увидеть, как целые отряды волков обходили их с фланга и начинали активно срубать деревья, на которых лисы занимали свои позиции. Могучие растения быстро падали под ударами топоров, а лучники, оказавшиеся на земле в окружении врагов, недолго могли оставаться в живых.

Тяжеловооружённые гиганты с лёгкостью сметали позиции лисьих щитоносцев и ломали защитные баррикады. Лишь командир с огненным мечом был в состоянии сокрушить таких врагов один на один, ибо перед его оружием не могли устоять ни сталь, ни плоть, ни броня. Волки устрашились лидера вражеской армии, их страх ослаблял эффективность их наступления, это заметил волчий полководец.

Бой стал вестись внутри оборонительного круга. В живых оставались лишь лучшие из лисьих бойцов, в последующем принявшие решение биться вплотную со своим командиром, плечом к плечу. Лисы бились отчаянно, пощады не давала ни одна из сторон. Вдруг в осадное кольцо прорвался закованный в тяжёлую чёрную броню волчий вожак, изукрашенный красными кровавыми метками по всему телу, ярче всего виднеющихся у волка на лице, в виде будто бы свежих кровавых шрамов от когтей под глазами. Это были ритуальные метки, предписываемые лишь самым свирепым и безжалостным бойцам в волчьей армии.

– Сурв нэн Вульфاران,⁶ – молвил лисий командир сквозь зубы с ярко выраженной злобой.

Этот зверь ничего не ответил, лишь рычал устрашающим образом. Глава отряда лисьего народа выступил один на один против этого чудовища, рядом стоящих воинов он послал на поддержку стены щитов, по-прежнему сдерживающих основной натиск волчьей орды.

Вражеский вожак был вооружён огромной булавой из чёрной заколдованной стали, он сметал с одного удара всех, кто осмеливался встать между ним и носителем огненного меча. Волк бил со столь поразительной силой, что земля будто бы вздрагивала от каждого его удара. Волчьи атаки были мощны, но медлительны, лис успешно уклонялся от них, наносил точечные удары огненным мечом в ключевые места чёрной брони, ибо даже с таким оружием он не мог тотчас пробить подобные доспехи. Принятая тактика боя стала изнурять волчьего военачальника, и тот решил пойти на хитрость: он изобразил настолько сильную усталость, что лис начал терять необходимую для сражения бдительность.

Командир вознёс меч, чтобы тут же срубить голову волка с плеч, однако тот в последний момент успел сделать мощный выпад прямо под носом у лиса и при этом ещё ударить его изо всех оставшихся сил булавой, от чего тот отлетел на расстояние двух десятков шагов и выронил огненный меч. Заклеймённый воин неспешным шагом подбирался к лису, чтобы добить его, попутно убивая всех, кто пытался защитить своего военачальника. У командира были раздроблены все кости левой руки и части бедра, он стал ползти к лежащему на выжженной им же земле огненному мечу. Каждый пройденный аршин сопровождался ужасной болью и душераздирающими криками.

---

⁶ «Приспешник Вульфарана»

Почти все лисьи бойцы были перебиты, осталась лишь группа из двенадцати воинов, бьющихся рядом с командиром. Громадный волк в чёрных доспехах всё же добрался до лисьего военачальника, сперва сильно вдавил его в землю ногой, а затем обхватил правой рукой за шею и поднял того на целую сажень в высоту. Враг по-прежнему ничего не говорил, а лишь дьявольски засмеялся, а затем начал душить лиса. Командир очнулся, неожиданно в его руке снова воссиял горящий меч, и он, задыхаясь, вонзил его прямо в глотку волчьего вожака. Пару мгновений они стояли, будто окаменелые, в таком положении, изнурённые и оба побеждённые, от этого и «смертельно изумлённые». Затем они оба упали на землю, волк замертво, а лис на грани жизни и смерти.

Остальные воины сгруппировались вокруг своего командира, один из них подбежал к нему, чтобы помочь встать на ноги, но, к сожалению, удары волчьего оружия оказались смертельными. Носитель губительного меча уже не мог ни ходить, ни сражаться, ни даже дышать – из него постепенно уходила жизнь. Лезвие его оружия расплавилось, осталась только рукоять, которую лис крепко прижал подле сердца своего. На его глазах выступали слёзы, командир не мог поверить, что всё-таки настал день, когда Вульфاران смог одержать верх над их народом, он дал волю эмоциям, ведь понимал, что сам больше ничем не сможет помочь своим соплеменникам в этой ужасной борьбе. На последнем вздохе он схватил руку рядом стоящего воина и сказал:

– Сулун... эн.⁷

Командир скончался, а волчья орда по непонятной причине остановила свой натиск. Видимо, для них гибель своего вожака также имела важное символическое значение даже во время боевых действий. Для волчьего народа их предводитель – нечто святое, высоко почитаемое существо во плоти, смерть которого неприемлема. Случившееся вызвало серьёзное замешательство в рядах тёмных сил, ожесточённая битва прекратилась на пару мгновений, волки всё никак не набирались решимости продолжить наступление, пока о себе вдруг не заявил их настоящий предводитель.

С неба раздался громкий, как раскаты грома, рык, что взбудоражил тьму, заполонившую небосвод. По чёрным облакам стали бить красные молнии, и одно из них, наиболее насыщенное «красным зарядом», устремилось вниз, словно метеорит. Всех – и волков, и лисов, и Ратибора – охватил безумный страх.

– Это... Вульфاران, – тихо сказал сам себе человек.

Волки отошли на безопасное расстояние, облако, пропитанное тьмой и мощным зарядом «красной молнии», летело на оставшихся в живых лисьих воинов. Лесные жители, переглянувшись, восприняли это как злой рок, которого невозможно избежать, и перед столкновением они все прикрыли глаза и прижали свои мечи к груди в знак смирения с судьбой, никто из них не хотел умирать трусом.

Чёрное облако обрушилось на лисов, словно огромный огненный снаряд катапульты, смерть была мгновенной для всех, так как вмиг красная молния испепелила каждого воина. Никто из них не закричал, ни от страха, ни от боли – все они приняли смерть достойно.

Волчья орда пошла дальше, Ратибор стал свидетелем того, как они разорили мирный природный край, убивали беззащитных жителей, их детей; как тьма сравняла их дома с землёй; как правительница лисьего народа сражалась с мечом в руках у врат того самого Дубового дома, пытаясь защитить тех, кто был внутри. Она погибла в объятиях резко окутавшего её мрака, при этом успев положить более десятка волчьих солдат.

Врата были запечатаны, ибо их механизм был напрямую связан с солнечными часами, встроенными в них. Едва солнце переставало светить, а тень заполняла весь часовой круг без остатка – врата запечатывались; если бы на них лил чистый лунный свет – их можно было открыть вручную. Но тьма была повсюду, волчья орда не смогла проникнуть в дом с первого приступа.

Тёмные силы всё же ворвались туда, выбив ворота силой; красные молнии били с чёрного неба по дому и в результате проделали множество отверстий в древесной коре, в которые волки начали закидывать огонь. Мирные жители, укрывшиеся в доме, погибли либо от удушья, когда чёрный дым начал заполнять Дуб, словно вода заполняет пустой стакан, либо от огня, что запылал в доме. Дерево погибло, но всё-таки простояло ещё множество веков, а Ратибор наконец-то понял, что «оконные» отверстия в доме были итогом штурма, а не небрежной работы строителей.

Путник перепугался и ринулся бежать в неизвестном направлении, едва ему показалось, что тьма теперь стала преследовать его. И в тот момент, когда она его настигла, Ратибору снова перед глазами стал мерещиться Вульфاران. Вскоре он услышал голос, взывающий к нему из настоящего времени:

– Гость, гость! Ты меня слышишь!?! Очнись!

Путник вдруг проснулся в том самом Дубовом доме, на том самом месте, где началось его загадочное путешествие во времени. А перед его глазами был уже не Вульфاران, а Лунбрис. Он преподнёс Ратибору горячего травяного отвара, который должен был успокоить его разум.

---

⁷ «Простите... меня»

– Пей путник, успокойся, вижу, тень недавнего прошлого всё ещё преследует тебя. Отдохни немного, потом поговорим, – сказал Лунбрис.

– Нет, – возразил Ратибор. – Лунбрис, расскажи мне, что здесь за ужасы происходят?! Расскажи мне всё, что знаешь об этом... Вульфаране.

Глава 4

Туман сомнений

– Вульфاران? Досточтимый гость, откуда сие скверное имя стало ведомо тебе? – спросил Лунебрис, с трудом скрывая внезапное изумление.

Испив горячего травяного отвара и совладав с духом своим, путник постепенно настроился на продолжительный разговор.

– Об этом имени мне ведомо из уст того, кто ныне является его носителем. За этим зверем следует тьма великая, она оскверняет и губит всё живое вокруг себя. Лунебрис, что ты знаешь о нём? Неужто я был первым, кто столкнулся с подобным злом в этих землях?

– Нет, ты не первый. Ты, гость, уже второй человек на моей памяти, кому довелось остаться в живых после встречи с этим ужасным воплощением самой смерти. Вульфاران загубил великое множество людских жизней, утащил в иной мир целое поколение: старики умирали от страха в своих домах, а молодые горячие головы, стремящиеся покончить со страданиями своего народа, находили свою погибель в волчьих зубах и когтях. Надежда на благополучное будущее возлагается на плечи самых молодых и невинных, детей малых, коих смерть с раннего детства ждёт в этом Мрачном лесу, – заговорил старик и приуныл под конец своей речи.

– Кто был тот, первый выживший? – спросил Ратибор.

– Зидхан, – с той же унылостью ответил Лунебрис. – Он вождь нашего народа древлянского. Человек из него не самый достойный, а как правитель – он деспот и тиран. Даже трудно поверить, что тьма не уволокла самого вероломного и жестокого из нас.

– Что произошло в тот день, когда Зидхан повстречал Красноглазого волка? – с необычайным интересом путник начал расспрашивать старца.

– С того дня минуло порядка пяти Кровавых лун, что являются лишь одиножды за три летних солнца. Зидхан, не ведая об опасности, собрал небольшую группу охотников для вылазки в Мрачный лес. Согласно существовавшему в деревне обычаю, попутчиков для охоты вождь выбирал сам, и горечь вся заключается в том, что накануне вылазки в лес состоялось венчание двух молодых любящих сердец. То был союз удалого землепашца Кимора и великолепной красавицы Аксиньи. Кимор был кротким, весёлым, упитанным, сильным юнцом, чьё предназначение было – работать в поле, сеять хлеб, собирать урожай вместе со своим отцом Арием. Они были единственной семьёй древлянской крови, которая пыталась жить честным трудом, вспахивая грядки. А оттого-то Дархан, наш прежний вождь, и даровал им земельный участок размером в полдеревни, ибо, кроме них, некому было её обрабатывать. Малец никогда не славился особой смелостью, боевым искусством или мужеством, но, несмотря на всё это, он был добрым юношей, Аксинья могла бы быть счастлива с ним... – рассказывал Лунебрис, пока гость не стал впадать в недоумение.

– Кхе-кхе. Добрый старче, ты хотел рассказать мне о Зидхане, его встрече с Красноглазым волком. При чём здесь какая-то молодая пара и почему ты говоришь «был добрым малым» про юнца? Неужто и с ним что-то случилось? – начал спрашивать гость, боясь, что Лунебрис стал в своём рассказе постепенно отходить от главной темы разговора.

– Эх... вечно с вами, молодыми, так! Наберись терпения, гость, и выслушай меня. К тому же, ты, видать, ранее в той деревне не бывал. Ты думай о волке не более, чем о людях, к которым идёшь. Поверь, внутри этого поселения опасностей не меньше для чужака, чем в том лесу, откуда ты едва унёс ноги, – возразил старик, слегка озлобленный нетерпением собеседника. – Теперь слушай и не перебивай особо, ведь всё, что тебе скажу, может пригодиться в тамошних стенах.

– Да, гость, да! Недобрая судьба постигла мальчика Кимора! – заявил Лунебрис, отвечая на второй несдержанный вопрос путника. – Как я и говорил ранее, шёл набор в группу охотников. Зидхан, видимо, позавидовал счастью юного землепашца, по неведомой для меня причине его сильно обеспокоило замужнее положение именно Аксиньи. Ему казалось, раз он – вождь, то всё дозволено! У Зидхана нет ни совести, ни чести, ни благородства, у него в сердце одна лишь алчность, жадность и жажда могущества, ему было мало той власти, коей он уже располагал. Кимор стоял у него на пути, этот безобидный парнишка. Уничтожить чьё-либо семейное счастье Зидхан умел лучше, чем кто-либо, даже лучше, чем Красноглазый волк, в зубах которого люди гибли по воле того же безжалостного вождя. Вот и случилось так, что Зидхан преднамеренно «загнал» Кимора в состав охотничьей группы. Все в деревне знали, что из него охотник никакой, но противиться слову Зидхана никто не стал.

Лунебрис ненадолго прервал свой рассказ, решив испить травяного отвара, чтобы унять эмоции при таких темах для разговора. Ратибор тоже потянулся за напитком. И в этот момент старик не мог не заметить обгоревшую прямо до костей руку собеседника, которую тот обмотал сухой рваной тряпкой по пути из Мрачного леса сюда. Приняв это во внимание, старик всё же решил продолжить рассказ.

– Охота в Мрачном лесу тогда была делом вполне обычным, никто в то время не мог предположить, какой ужас может нагрянуть... кроме меня, – спокойно говорил Лунебрис.

– Кроме тебя, старче? Как это следует понимать? – спрашивал путник.

– Были знамения. Сама природа предостерегала нас от этой напасти. Древлянам следовало бы задуматься ещё тогда, когда умер Дархан, отец Зидхана. Я был его близким другом и советником, он доверял мне и ни разу не жалел об этом. Наш народ объявил войну всем остальным нашим славянским братьям, живущим в окрестных землях, за что и был проклят, как нам тогда казалось, богом ветра Стрибогом. Мы пробудили в своём сердце самый страшный порок – гордыню, и на «запах» сгнивших душ пришёл демон, чья кровожадность не знала предела. Я был рядом с Дарханом, когда он погиб: едва он коснулся вод Днепра, как холодный воздух плетью ухватил его за горло, поднял высоко в воздух и удушил. Я пытался спасти его, предостерегая о гневе богов, но что может сделать человек перед лицом ослепительной гордыни и озлобленной стихии? Под влиянием страха мы бежали назад, в свои дома. Те воины, что участвовали в походе, но не жили в Волохе – уже давно мертвы; холод погубил их, они не смогли вовремя подготовиться к столь свирепой выюге. Меньше, чем за месяц вокруг нашей деревни разросся лес, и не ведали мы ещё, что попали в ловушку. Вульфاران сначала терзал нас холодом, но когда Зидхан повёл охотников в лес, он успел отведать и крови нашего народа на вкус. Теперь люди суются в лес только за дровами и только днём, ибо ночью волки могут загрызть человека даже на пороге собственного дома. Что до меня – моё мнение перестало интересовать Зидхана вскоре после смерти его отца, а с приходом Чёрного волка он отправил меня рыть ямы для умерших, коих мы обратно землёй не засыпаем. Зидхан думает задобрить Вульфарана трупами своих людей, да только этому зверю не тела наши нужны, а души. Наша гибель – вопрос времени, – рассказывал Лунебрис, навевая отчаяние.

– Охотники, ушедшие с вождём, не вернулись. Что до Зидхана, его, полумёртвого, мы нашли у опушки Мрачного леса, он был весь побитый и окровавленный. Он поведал нам об этом чудовище, кроющемся в тени деревьев, рассказал о судьбе каждого охотника, что были там, с ним. Известие о смерти Кимора едва не погубило хрупкое сердце Аксиньи. Зидхан с особой усладой говорил о мучениях этого, как он промолвил, «никчёмного труса». Уже тогда стало ясно, что Кимор в любом случае не вернулся бы живым, ведь если бы его не убил Красноглазый волк, то это сделал бы Зидхан. Уж очень яро ненавидел того вождя, – продолжал говорить старик.

– Аксинья... расскажи о ней, жива ли ещё эта бедняжка?

– заинтересовался вдруг Ратибор.

– Аксинья – дева видная, мудрая и красивая. Её лепота не увяла с годами, а скорее размножилась... – стал говорить старик, – как и холодность её сердца, ей так же знакомо чувство долга, самоотверженности и чести. Она любила Кимора, и его смерть на ней сказалась. Тяжело в Волохе найти человека добрее, чем она, ибо, как бы ни охватило её горе, она по-прежнему остаётся милой и отзывчивой в глазах людей. Аксинья в первые мрачные годы нашей жизни с волком была лекарем, ей удавалось лечить болезни и изгонять из людей неестественный страх, подбадривая их жить дальше, но даже ей не под силу было спасти от смерти тех несчастных, коих в ночь кровавой луны кусали звери. Они умирали в адских муках, а кровь их была...

– Насыщена чёрным ядом, – внезапно продолжил мысль Ратибор.

– Верно... тебе-то откуда это ведомо? Ты вроде живой и целёхонький пришёл ко мне... почти целёхонький, – спрашивал старик, дав собеседнику намёк на обгоревшую руку.

Ратибор оголил свою рану, и теперь Лунебрис видел, что до костей обгорела не только ладонь, но и вся рука по локоть. Пытаясь ответить на вопрос старца, путник придвинул к краю стола Светоносную книгу, дабы Лунебрис мог тут же обратить на неё своё внимание. Затем Ратибор обгоревшей рукой показал на укрывшегося в углу Амикума, волка, спящего крепким сном в столь желанном тепле и уюте, а затем сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.